

18 июля ВЛАДИМИРОВНА
БОРОДИНА

Знак бесконечности

Юлия Владимировна Бородина

Знак бесконечности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51142083

ISBN 9785449826091

Аннотация

В маленьком американском городке Пенсакола появился серийный убийца. Молодая девушка, Оливия Блэквуд, чьи родители и младшая сестра стали жертвами психопата, решает сама найти и наказать убийцу. Вот только она не предполагает, каким кошмаром это может обернуться. Превратится ли она из охотника в жертву? Сумеет ли она сделать правильный выбор, когда на кону будет стоять жизнь дорогого ей человека? Страсти губят таких, как она... страсти покоряются ей...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	29
Глава 3	44
Глава 4	53
Глава 5	62
Глава 6	77
Глава 7	86
Глава 8	102
Глава 9	112
Глава 10	127
Глава 11	139
Глава 12	149
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Знак бесконечности

**Юлия Владимировна
Бородина**

© Юлия Владимировна Бородина, 2020

ISBN 978-5-4498-2609-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Океан. Бескрайние просторы сапфирово-синей воды с белыми пятнами морской пены, темной и кажется даже густой, там, у самого горизонта... а день был так хорош. Вокруг во всем своем многоцветном великолепии бушевала весна, вскипая белой пеной на ветвях персиковых и кизилowych деревьев, окутывая бледно-зеленым туманом величественные дубы, и рассыпаясь по пологому берегу тысячей мелких белых звездочек-жонкилей...

На пустынном пляже, прислонившись спиной к большому, гладкому камню сидела девушка. Теплый морской ветер трепал ее рассыпанные по плечам, густые каштаново-рыжие волосы, вплетая в локоны аромат цветущих акаций и соли. Тонкая, струящаяся ткань бледно-зеленого платья мягкими складками спадала до самого пола, придавая ей, такой красивой и удивительно одинокой, сходство с вышедшей на брег, прелестной Нереей.

Однако сама девушка едва ли задумывалась над этим. Она смотрела на распростертые у ее ног сверкающие воды залива, долгим, задумчивым, печальным взглядом, обращенным куда-то далеко-далеко, за самый горизонт. Темное отчаянье вползало в ее сердце маленькой ледяной змейкой, заставляя все крепче сжимать кулаки и бормотать сквозь зубы глухие, ей одной понятные угрозы. Временами она быстро и украд-

кой стирала с побледневшего лица, выкатывающиеся из глаз слезы, словно боялась, что кто-нибудь застанет ее за этим занятием. Но пляж оставался таким же пустынным, как и час и два назад, и лишь пронзительные крики чаек нарушали царившую вокруг тишину.

Черный Шевроле остановился у обочины пустынной дороги и из прохладного салона вышел крепкий молодой человек. Его каштаново-рыжие волосы, уложенные гелем, мгновенно растрепал ветер. Но он даже не счел нужным их пригладить, лишь раздраженно отбросил упавшую на лицо прядь и быстро спустился по узкой дорожке к самому берегу, где сидела девушка.

– Я знал, что найду тебя здесь. – Молодой человек задумчиво и как-то через силу посмотрел на нее. – Лив, сколько можно себя изводить? Ты ничего не сможешь изменить!

«Ничего не сможешь изменить» «Ты должна быть сильной»... вихрем пронеслись в ее голове язвительные фразы. Оливия с ненавистью уставилась на Джеймса.

Ее брат был типичным представителем их семьи. Темно-рыжие волосы, такие же, как у их отца, и дедушки. Светлая кожа, теплые, золотисто-карие глаза, опущенные длинными темными ресницами. Многие женщины находили его привлекательным, а для Олив сейчас, его внешность служила вечным напоминанием об утраченном счастье.

Обхватив Оливию за плечи, Джеймс мягко подтолкнул ее к машине и усадил на сиденье рядом с собой. Девушка не со-

противлялась, двигаясь как сомнамбула. Она так старалась убежать от самой себя, заглушить хоть ненадолго боль, и все равно каждый раз возвращалась, чтобы с новой силой ощутить пустоту, оставленную в ее сердце.

Это было шесть месяцев назад. Шесть долгих, невероятно трудных месяцев. В тот день Оливия солгала отцу с матерью, сказав, что поедет к подруге в соседний городок, а сама с очередным кавалером отправилась в их загородный дом, намереваясь провести романтический вечер. Но планам ее не суждено было сбыться и в ту трагическую ночь вместо поцелуев под луной, она нашла плавающие в бассейне, изрезанные бритвой трупы родителей и маленькой сестренки Джинни. До сих пор вид омерзительно-бурой воды, подсвеченной снизу мощными прожекторами, на поверхности которой плавали тела, стоял перед ее глазами. Как и три закрытых гроба два больших из темного дуба и один совсем маленький, заваленные горой живых цветов, стоящие на специальных подставках, под узловатыми кронами деревьев на лужайке кладбища Сейнт-Джон.

– Зачем ты приехал? – Оливия щелкнула зажигалкой, выпуская струю серого дыма в окно. Она знала, что брат не переносит табачного запаха.

– Юристы отца, наконец, завершили проверку завещания. Я подумал, ты должна знать.

Джеймс делал вид, что внимательно следит за дорогой, краем глаза наблюдая за выражением на лице сестры. Для

жизнерадостной, страстной и порой безрассудной Оливии, имеющей привычку резко высказывать свое мнение, состояние замкнутости было несвойственно. Он уже начал бояться, что случившееся слишком сильно отразилось на ее психике. Однако заикнуться о визите к психотерапевту боялся еще больше. Сейчас он даже не стал делать ей замечание по поводу сигареты.

– Мы с тобой вроде и так знаем, что написано в завещании. – Мрачно изрекла Оливия.

Брат не был виноват в том, что произошло с их семьей и не стоило перекладывать на него свою боль. Ему тоже пришлось не сладко. Однако сейчас она была так расстроена, что едва могла себя контролировать. Чувствуя, что вот-вот расплчется, она отвернулась к окну.

«...Таким образом, Оливия Меллисандра Блэквуд получает семьдесят пять процентов акций „Блэкфилд-инкорпорейтед“, Мустанг Шелби GT500 1967 года и квартиру по 224 Ист-Гарден» – Эдди Гаррисон, адвокат семейства Блэквуд тихим, строгим голосом читал завещание, стараясь не допускать излишней оживленности, свойственной его характеру. Этим ребятам сильно досталось. А полиция так до сих пор ничего не сделала...

– Вы, – он повернулся к Джеймсу – Джеймс Фредерик Блэквуд. Вы получаете двадцать пять процентов акций «Блэкфилд-инк», дом на Ист-Белмонт стрит 608, тот, где мы сейчас находимся, яхту, а так же все остальное движи-

мое и недвижимое имущество, принадлежащее вашей семье, кроме загородного коттеджа Роуз-Хилл. Его надлежит поделить поровну между вами и вашей сестрой.

Выслушав все, что сказал Эдди, Оливия удивилась. Она не ожидала, что отец оставит ей компанию. В конце концов, Джеймс был старшим сыном и наследником, хоть никогда и не проявлял должного интереса к семейному бизнесу. И все же, она, как впрочем, и все остальные полагали, что «Блэкфилд-инк» достанется ему. Но отец решил иначе. Перед ее мысленным взором сразу возник образ отца, такого, каким она его помнила – невысокого роста, кряжистый, здоровяк, с густой рыжей шевелюрой, вздернутым носом. Шумного, хлебосольного человека, одетого неизменно в джинсы, кожу и высокие полуботинки, излучающего непоколебимую уверенность в себе, словно весь мир принадлежит только ему, а остальные могут катиться к дьяволу, если их это не устраивает. На краткий миг сердце Оливии сжалось от боли, словно в него всадили раскаленный прут. Их отец всегда напоминал этакого ковбоя с просторов дикого запада, задир и драчуна, а не респектабельного бизнесмена, каким являлся в действительности.

Но, наверное, и не следовало ожидать иного от человека, который, не имея ни гроша за душой, пустился в погоню за счастьем. И удача улыбнулась Колину Блэквуду, в виде неотразимо красивой Лориты Мэн, дочери ресторанного магната из Нью-Йорка, младше его на целых десять лет. Отец

запретил Лорите даже думать о небогатом юноше из провинции, но своевольная девушка оставила ради любимого все, что в кругу людей обличенных властью больших денег было неотъемлемой частью жизни. Ее поступок навсегда разорвал связи с семьей и сподвиг отца вычеркнуть свою любимую и единственную дочь из завещания. Однако Лорита и Колин были счастливы, ютась в маленькой квартирке-студии, находящейся под самой крышей, в бедном квартале на окраине, пока Колин не окончил обучение в колледже. С тех пор его дела пошли в гору, и через пару лет у пары было все, что нужно для нормальной жизни.

В Пенсаколу чета Блэквудов перебралась, когда их сыну Джеймсу пошел второй год. Врачи всерьез опасались за здоровье малыша и посоветовали родителям покинуть загазованный мегаполис и переехать куда-нибудь поближе к побережью. Колин продал маленький, но доходный бизнес в Нью-Йорке, чтобы на новом месте создать настоящую империю.

Сеть кофеен «Блэк» опутала все южное побережье Флориды, с поразительной легкостью вытеснив с рынка многочисленных конкурентов. Вот тут-то отец Лориты выразил желание поближе познакомиться с зятем и внуками, которых на тот момент было уже двое. Но Лори категорически отказалась от возобновления отношений с отцом, сказав тому в пылу гнева: «Ты вычеркнул меня из своей жизни ради положения в обществе. Пусть так и останется». Так все и осталось вплоть до момента ее смерти.

– Да, чуть не забыл. – Адвокат хлопнул себя по лбу. – Оливия, вам так же достаются, шкатулка с украшениями вашей матери и набросок картины Поля Гогена – танцующие девочки.

Он вынул из секретера объемный ларчик, обитый синим бархатом, и поставил перед девушкой. Сколько раз Оливия наблюдала за сидящей перед зеркалом матерью, примеряющей очередную золотую безделушку. Ее сердце снова сжалось при виде этой шкатулки. И вместе с безысходной болью пришли совсем другие чувства. Казалось, в том покрове нечувствительности, прикрывающем сейчас ее душу, подобно броне, обнаружилась трещинка, сквозь которую темным туманом заструилась всепоглощающая ненависть к тем, кто разрушил ее жизнь – «Они мне за все заплатят, чего бы это ни стоило!». Кто были эти «они» Оливия, конечно, не знала, но почему-то была твердо уверена, что сможет узнать. Она найдет убийцу!

Джеймс, первый ощутил какую-то неуловимую перемену в эмоциональном состоянии сестры. Перехватив решительный взгляд ее очень красивых, сине-зеленых глаз, он пожегся от накатившего вдруг необъяснимого страха. В его сестру словно вселилось чуждое, незнакомое и опасное существо, превращая милую, молодую девушку в опасного хищника.

Даже Эдди, не обремененный излишней проницательностью, почувствовал что-то странное. Он неловко закруглил

разговор, стараясь побыстрее покинуть дом Блэквудов. Отъезжая на своем стареньком Вольво, Эдди облегченно вздохнул. Он не хотел признаваться даже самому себе, как его тяготила эта миссия. Слава богу, теперь его участие в судьбе этой семьи было окончено.

Глава 1

Те, кому нанесли вред, могут получить настоящее удовлетворение только от двух вещей – безоговорочного прощения или беспощадного возмездия.

(Emily Thorne. REVENGE)

«ЕЩЕ ОДНО ЗВЕРСКОЕ УБИЙСТВО! ПОЛИЦИЯ ПРИВЛЕКЛА КОМАНДУ ДЕТЕКТИВА БЛУМА ДЛЯ ПОИМКИ „ЦИРЮЛЬНИКА“» «ДО КАКИХ ПОР „СЕРИЙНИК“ БУДЕТ НА СВОБОДЕ?»

Оливия со вздохом отложила утреннюю газету, пестрящую заголовками. За последние семь месяцев это уже третье убийство. Ее родители и сестра стали четвертой жертвой психопата, которого журналисты, падкие на подобные события, окрестили «Цирюльником». Видимо, им показалось забавным присвоить ему это прозвище, и все из-за его любви к опасным бритвам, которыми он «разрисовывал» тела своих жертв. С очевидным искусством, надо признать. На взгляд Оливии ему больше бы подошло другое имя. Что-то вроде «кровавого художника».

Джеймс спустился в столовую в половине восьмого утра, а сестра уже сидела за столом, аккуратно вырезая газетную статью. Мельком взглянув на заголовок, он поморщился. С тех пор как произошла трагедия, сестра ни о чем другом

говорить не могла, с маниакальной настойчивостью следя за действиями полиции. Как он ни старался отвлечь Олив от глупой затеи, все его усилия словно разбивались о каменную стену.

Джеймс потушил сигарету, дымящуюся в пепельнице, и отставил чашку с недопитым густо-черным кофе.

– Как ты можешь каждое утро пить эту гадость? – он плеснул в стакан апельсиновый сок и поставил перед девушкой.

– Я люблю кофе.

– И конечно не завтракала еще.

– Не успела, – призналась она. – Увлеклась статьей.

– Это не удивительно. – Джеймс сунул хлеб в тостер. – Последние семь месяцев ты только то и делаешь. Тебе не кажется, что все это начинает походить на манию?

– А ты бы предпочел, чтобы я оставила все так, как есть? Оливия в упор посмотрела на брата.

– Я бы, предпочел, чтобы ты занялась собственной жизнью и перестала копаться в прошлом. Посмотри на себя, Олив. Тебе двадцать пять лет и у тебя, в отличие от многих твоих сверстников, просто шикарные перспективы. В твоем возрасте молодые девушки озабочены поисками достойного мужа и модным маникюром, а не призрачной погоней за психопатом. И тебе вовсе незачем было бросать учебу. Отца бы это порадовало.

– Нашего отца убил серийный маньяк! Ему уже все равно, бросила я университет или нет! – жестко припечатала Оли-

вия, яростно щелкая зажигалкой. – И много, скажи мне, ты видел девушек моего возраста, которым довелось пережить то, что пережила я? – вскричала она. – Неужели ты хочешь оставить все как есть? И тебе спокойно спиться, зная, что псих, убивший наших родителей и Джинни, все еще на свободе?

Джеймс уже пожалел, что завел разговор так далеко. Он обнял Оливию за плечи, и прижал к себе, чувствуя, как быстро бьется ее сердце.

– Ладно, прости меня. Просто я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. – Сказал он.

– И я не могу успокоиться, пока не увижу этого гада на электрическом стуле! Ко всему прочему, кому-то надо заниматься компанией. Ты же не будешь этого делать?

– Я уже говорил тебе, и не однократно – ресторанный бизнес меня не интересует. Папа не случайно оставил все тебе. И даже если бы он решил иначе, я бы все равно отказался встать во главе «Блэк». У вас с отцом это всегда получалось лучше. А я? ну что я, простой адвокат по разводам, могу понимать в плюшках и пирожных. – Залебезил Джеймс.

Оливия улыбнулась. Она знала, что брат говорит все это специально, чтобы ее задобрить. Он вполне мог управлять компанией, если бы захотел.

– Позавтракаешь со мной? – спросил он, доставая из холодильника нарезанный тонкими ломтиками бекон и упаковку яиц.

– Нет. Я опаздываю. Слышал, полиция привлекла к расследованию детектива Кэйда Блума, ну того, который раскрыл дело Эргеймского душителя. Встречаюсь с ним сегодня.

– Горбатого могила исправит. – Недовольно буркнул Джеймс, наливая на сковороду масло. – И ты надеешься, что он позволит тебе участвовать в расследовании? Полиция не любит когда дилетанты суют нос в их дела.

– А это дорогой братец, не твоего ума дело! – сказала Оливия, озорно сверкнув глазами. – Тем более что этот детектив сам мне позвонил и захотел встретиться. Похоже, у него есть ко мне какие-то вопросы. И как ты недавно заметил у меня шикарные перспективы и три с половиной года учебы на юридическом факультете.

Отголосок очаровательной живости промелькнувшей в тоне сестры поднял Джеймсу настроение. Ему так хотелось, чтобы вернулась прежняя Оливия. Озорная, смешливая, временами язвительная, с отличным чувством юмора, девочка, без которой не обходилась ни одна из его детских шалостей. Яркая, изменчивая кокетка, полная огня, способная довести до бешенства своими выходками, его сестра обладала способностью мгновенно становиться центром любой компании. Там где появлялась Оливия, смех не затихал ни на минуту. Но так было раньше. До этой ужасной трагедии, изменившей их жизнь навсегда.

– Ну? Как я тебе? – спросила Оливия, снова появившись

в столовой.

Джеймс нарочито придиричивым взглядом осмотрел наряд сестры. От головокружительного декольте пастельно-розовой блузки с длинными рукавами и маленькими жемчужно-розовыми застёжками, строгих брюк на пару тонов темнее и до кончиков лаковых туфель, на длиннющем каблуке. В вырезе на шее мелькала тяжелая серебряная цепь с кулоном из крупного, полупрозрачного розового кварца. Его подарок на прошлое рождество. Холодный металл резко контрастировал с нежной кожей. Красно-каштановые, вьющиеся волосы, блестящие в утреннем свете, были присобраны и заколоты сзади легкомысленной заколкой в виде бабочки. Большие аквамариновые глаза умело, подкрашены, на чуть полноватых губах слой коричнево-розовой помады. Красиво.

– Замечательно выглядишь! – прокомментировал он. – Но, не слишком ли вызывающе? Для беседы с детективом?

– Не слишком! – огрызнулась сестра. – Пожелай мне удачи...

После ухода Оливии в столовой остался терпкий запах ее духов. Смесь аромата горькой вишни с тонкими нотками перца. «Да уж, она явно произведет впечатление на детектива. Надеюсь у него крепкие нервы» – подумал Джеймс. Он не стал говорить сестре, что хоть ее наряд и был выдержан в строгих канонах стиля, все равно мало подходил для подобной встречи. Однако он намеренно не стал уговаривать

ее выбрать что-нибудь более скромное. Проходя практику в крупной юридической фирме, Джеймс достаточно долго общался с людьми, подобными детективу Блуму и с уверенностью мог сказать, что Оливия вряд ли сумеет добиться расположения, на которое надеялась. «Это и к лучшему» – тихо пробормотал он, принимаясь за остывшую яичницу.

Оливия уверенно и спокойно вела, теперь уже свой, серо-черный Мустанг по пустынной в этот час объездной дороге, огибающей город с севера. Для нее уже стало привычкой анализировать случившееся, вглядываясь в серую ленту асфальта. В который раз, прислушиваясь к себе самой, она как-то отстраненно поражалась тому холоду, что царил в душе. Оставаясь все той же Оливией, она все же понимала, как сильно изменилась. Стала более замкнутой, циничной, и хотя по-прежнему часто шутила и смеялась, юмор ее тоже перетерпел изменения, стал злым. И она больше не ходила на светские вечеринки, а если и появлялась, то вела себя настолько вызывающе и неприступно, что ни у кого больше не возникало желания ее приглашать. Но, Оливия целиком и полностью захваченная идеей найти убийцу родителей и отомстить, а так же делами компании, которая требовала постоянного внимания, попросту не замечала косых взглядов знакомых и друзей. Сейчас ее гораздо больше волновали совсем иные вещи.

Девушка припарковала Мустанг на стоянке супермаркета и неспешным шагом двинулась в сторону маленького ка-

фе. То, что детектив Блум сам захотел с ней встретиться, было конечно ей на руку, но Оливия понимала, как сложно будет склонить его к сотрудничеству. Она не питала иллюзий по этому поводу. Что она будет делать, если ей не удастся сунуть свой хорошенький носик в расследование, Оливия не знала. Она просто шла напролом, веря в свои силы и совершенно не думая о возможности поражения. Она не могла проиграть.

Кэйд Блум детектив из отдела насильственных преступлений полиции Пенсаколы сидел за столиком, с аппетитом уничтожая большую порцию оладий с яблоками, запивая все кофе, подкрашенным сливками. Утро выдалось теплым, и многие посетители кафе предпочли устроиться на террасе, наслаждаясь началом хорошего дня. Дожди в Пенсаколе в эту пору года были не редкостью, и горожане пользовались любой возможностью побыть на воздухе. Кэйд с любопытством разглядывал прохожих.

В свои тридцать пять лет он сумел сделать неплохую карьеру, поднявшись от простого патрульного, до детектива и начальника отдела, имел верных друзей, но вот семьей так и не обзавелся. Тяготы его профессии отпугивали представительниц прекрасного пола, и хотя они отдавали должное его притягательной мужской красоте и охотно позволяли ему за собой ухаживать, однако ни одна из них не пожелала бы связать свою жизнь с копом. Некоторые, особо предприимчивые дамочки даже предлагали ему бросить службу в по-

лиции и заняться адвокатской практикой, но Кэйд с презрением относящийся к тем, кто по его словам был «по другую сторону», воспринимал такие советы крайне негативно. И, как правило, после этого сам прерывал отношения с очередной дамой сердца, не желая обманывать ни ее, ни себя.

Этим утром мысли детектива были полностью поглощены текущим расследованием, и в который раз уже он спрашивал себя «Для чего он пригласил Оливию Блэквуд на завтрак, а не встретился с ней в участке, как с остальными фигурантами?». Ее родители и сестра стали четвертой жертвой «Цирюльника». Это она нашла их тела в бассейне. Трудно было представить, что пережила эта девушка. Однако свидетельские показания Оливии вызывали у него настороженность и будили любопытство.

По роду своей профессии Кэйд часто общался с потерпевшими, и по опыту знал, что люди, потерявшие своих близких, да еще и ставшие свидетелями преступления, просто не способны трезво оценивать ситуацию. Полицейский отчет, содержащий показания Оливии и ее парня Грега Кривина заинтересовал Кэйда с самого начала. И если бы криминалистам не удалось однозначно установить – это «работа» «Цирюльника» он готов был поклясться, что Оливия Блэквуд замешана в убийстве своих родителей и сестры. Слишком уж хладнокровно и обстоятельно отвечала она на вопросы. Полицейский, бравший у нее объяснения в ту ночь, даже сделал пометки на полях, указав, что свидетельница во вре-

мя разговора вела себя крайне спокойно и сдержанно. «Возможно последствия шока» – гласила последняя заметка.

Наверное, в этом и крылась причина, по которой он решил встретиться с ней не в участке. Казенная и строгая обстановка совершенно по-особому влияет на людей, а ему хотелось сначала посмотреть, как она поведет себя при неформальном общении.

От подобных мыслей Кэйда отвлекла девушка, неспешным шагом, идущая по другой стороне улицы. Ее яркая, запоминающаяся внешность обратила на себя внимание не его одного. У незнакомки были каштаново-красные волосы, милое личико с большими глазами, аккуратным носиком и неожиданно полными губами и отличная фигурка – приятно-выпуклая в нужных местах. Но не это приковывало к ней взгляды мужчин, и не ее вполне строгий, для начала дня наряд. Аура какой-то животной притягательности, корящейся в едва уловимой грации движений, походке, вот что служило источником притяжения.

Посмотрев по сторонам, незнакомка нагло перешла улицу, проигнорировав контролируемый пешеходный переход, всего в нескольких метрах от нее и поднялась на террасу кафе. До Кэйда донесся ее мелодичный с легкой хрипотцой голос, в напеве которого слышалась легкая протяжность гласных, свойственная уроженцам южных штатов, когда она обратилась к официанту: «Кофе и пепельницу, пожалуйста».

Уже собираясь отвернуться, детектив с удивлением по-

нял, что девушка направляется прямо к нему.

– Доброе утро, детектив Блум. Неплохой денек сегодня.

– Оливия Блэквуд? – Кэйд чуть удивленно приподнял брови.

– Приятно познакомиться.

Оливия грациозно опустилась на стул, и глубокий вырез блузки выгодно подчеркнул все ее достоинства, так что Кэйд с трудом вынул взгляд из ее декольте и постарался вернуться к реальности.

Он представлял себе Оливию Блэквуд иначе. Черно-белый снимок полицейского отчета совершенно смазывал впечатление. Ему почему-то виделась хмурая, печальная девушка, подавленная от свалившихся на ее семью несчастий. Или, на худой конец избалованная, капризная дурочка, а никак не эта уверенная в себе красавица, с непроницаемыми, сине-зелеными глазами, точно морская гладь, пронизанная солнечным светом. Вблизи она оказалась еще красивее. Ее нежная, чистая кожа заставила Кэйда даже усомниться в подлинном цвете волос. Рыжие люди обычно щедро усыпаны веснушками, но этой девушке видимо повезло. И это маленькое родимое пятнышко в самом уголке губ...

– Я, признаться, удивилась, когда вы мне позвонили, детектив Блум. Насколько я помню, дело вели не вы. – Оливия, явно наслаждаясь произведенным впечатлением, что, однако не помешало ей, подпустив в голос немного ехидства спросить, – А что же детектив Слоан? Его, наконец-то разжало-

вали в патрульные?

— Теперь дело веду я. — Мягко сказал Кэйд, делая вид, что не расслышал ее последних слов. — Поэтому мне необходимо поговорить со всеми фигурантами, чтобы составить более полную картину.

— Все настолько плохо? — девушка театрально округлила глаза. — Я, конечно, предполагала, что ваш предшественник полный идиот, но чтобы до такой степени!

— Мисс Блэквуд...

— Просто Оливия. — Дернула плечиком девушка, доставая из сумочки пачку дорогих сигарет вкупе с самой простой, копеечной зажигалкой.

Он молча смотрел, как она разминает сигарету тонкими, изящными пальчиками и закуривает. Ветер тут же унес хрупкий дымок.

Оливия страстно желала начать разговор на интересующую ее тему, но старалась сдерживать себя. «Не торопись, принцесса! Всему свое время» — сказала она себе, не забывая при этом мило улыбаться так, словно сидела в кафе не с детективом из отдела насильственных преступлений, а с одним из своих приятелей.

Кэйд Блум оказался совершенно не таким, каким она его представляла, хотя видела его фотографию в утренних газетах. Его волосы оказались темнее, и их явно следовало подстричь еще пару недель назад. Правильные черты лица, чувственный рот и глубоко посаженные светло-ореховые,

чуть отливающие зеленью глаза, заглянув в которые любая женщина увидела бы романтического киногероя, типичного полицейского. А вот Оливия наоборот чувствовала себя немного неуютно под этим пронизательным взглядом. Будто он один был способен увидеть, что на самом деле творится у нее в душе. И конечно никакой снимок не смог бы передать ту особенную уверенность и притягательную силу, свойственную настоящему вожаку и защитнику. Он явно стоил ее внимания. «Не то, что этот дурак Слоан» – подумала она.

Юркий официант буквально подлетел к их столику, держа в руках большую папку с меню. Пока Оливия листала толстые, ламинированные листы, он словно замороженный уставился на вырез ее блузки, и похоже забывал даже дышать. Девушке это явно польстило. Кэйд видел, как в ее больших глазах, на какую-то долю секунды, вспыхнуло чисто-женское удовлетворение.

Он поймал себя на мысли, что пытается предугадать ее выбор. Она была красивой, скорее всего легкомысленной девочкой, иначе бы не стремилась совратить всех мужчин в радиусе километра, и богатой. Такие девушки следят за фигурой и предпочитают легкую, необременительную для желудка пищу вроде гадкого на вкус зеленого салата с обезжиренной заправкой из лимонного сока или отвратительное на вид пюре из шпината.

Погоня за тонкой талией всегда казалась Кэйду глупой, уловкой обширной индустрии моды, обманом заманиваю-

щей в свои сети маленьких дурочек. За два месяца отношений с моделью самого крупного в Пенсакоче агентства он достаточно насмотрелся на все это. Однако Оливия за последние пять минут снова удивила его, заказав порцию яичницы с беконом, горячие круассаны с клубничным джемом и густо-черный кофе.

– Так о чем вы хотели поговорить? – спросила Оливия, вернув пареньку-официанту меню.

– Поскольку теперь я работаю над этим делом, как я уже сказал, мне необходимо поговорить со всеми фигурантами. – Кэйд с трудом переключил внимание на разговор.

Его взгляд то и дело съезжал в сторону ее обширного декольте, что казалось ему совсем уж неприличным. Она была потерпевшей по делу, да к тому же очень молодой и, ему следовало бы по возможности обезличено относиться к ее прелестям.

– Это ведь вы обнаружили тела родителей и сестры? – спросил он. – В такой ситуации мало кто может сохранить хладнокровие.

– Я не совсем вас поняла, детектив. – Мгновенно насто-рожилась девушка.

– А между тем, все просто. Ваши показания довольно подробные. Это необычно, учитывая обстоятельства. Раньше приходилось сталкиваться с чем-либо подобным?

– Нет. Просто я знаю, что успешный исход расследования напрямую зависит от полноты и достоверности информации.

Дело легче раскрыть, если есть с чего начать.

— Вот поэтому мне было важно с вами поговорить. — Серьезно сказал Кэйд. — Вы уверены, что вспомнили абсолютно все? Наша память порой ведет себя непредсказуемо и коварно. А последствия шока зачастую...

— Вы сейчас издеваетесь? — резко перебила его Оливия. — Да я помню ту чертову ночь в мельчайших подробностях! Как входила в дом, чем там пахло, помню как тикали часы на каминной полке и звон ветряных колокольчиков у входной двери. Если хотите, даже скажу, сколько половиц скрипнуло под моими ногами, пока я не вышла на задний двор. Помню бассейн, помню кровь, и как светились прожектора на дне... я помню все! — медленно проговорила она, спокойным, лишенным всяких эмоций голосом.

Так мог бы говорить робот, но никак не живой человек.

Кэйд растерялся. Он никак не ожидал от нее такой реакции. Перехватив его взгляд, Оливия замолчала. Надо отдать ей должное, она сумела быстро взять себя в руки и даже улыбнулась, невеселой, немного злой улыбкой.

— Хотя, знаете, в данном конкретном случае, мои воспоминания, похоже, не помогут. Больше полугода прошло, а вы так ничего и не сделали! Подонок убивший моих родителей до сих пор ходит на свободе!

Ярость, на миг блеснувшая в ее сине-зеленых глазах, заставила Кэйда ощутить укол совести

— Мисс Блэквуд, — он легонько коснулся ее руки, выражая

сочувствие. – Я понимаю ваше горе...

Она отдернула руку, словно ее обожгло.

– Ага! «Я понимаю ваше горе...» «Мы знаем как вам тяжело...» «Крепись девочка...» «налить тебе воды...» – язвительно выпалила Оливия. – Как же меня достали эти ничего незначащие фразы! О! и еще вот эта «время лечит!» Не лечит.

Детектив молчал. Девушка со злостью затушила в пепельнице окурков, и вдруг успокоилась. Так в солнечный денек набежавшую внезапно тучку уносит ветром.

– Ладно. Не стоит об этом говорить. – Махнула она рукой. – Хотите, я расскажу вам все с самого начала? Могу и показать, если вы не очень заняты.

– Это возможно устроить? – оживился Кэйд. – Мне действительно, необходимо увидеть место происшествия. Но, я не знал, как вас об этом попросить. – Честно признался он.

– Откровенно. – С непонятной интонацией то ли одобрения, то ли порицания откликнулась Оливия. – Мы можем поехать прямо сейчас.

– Очень хорошо. Это сэкономит мне кучу времени. – Кивнул он.

– А это, конечно, самое важное. – Криво усмехнулась она.

Кэйд окинул девушку внимательным взглядом. Ее чуть жеманная манера, подмеченная им вначале знакомства, испарилась без следа. Как исчез и задорно-смешливый взгляд. Сейчас перед ним сидела холодно-задумчивая красавица,

за плечами которой, можно подумать, был немаленький жизненный опыт. И оставалось только догадываться, какие страсти бушевали под покровом такого холода.

– Нам далеко ехать? – спросил детектив, набирая номер участка.

– Минут тридцать-сорок, если не попадем в пробку на Сауфли-Пайнс роуд.

Оливия встала и, достав из сумочки новенькую сотню, кинула ее на столик, отменяя любые попытки Кейда расплатиться за ее яичницу и кофе. Они вышли на улицу.

– Моя машина за углом, напротив. – Кэйд указал рукой на серую офисную пятиэтажку.

– Поедем на моей. – сразу откликнулась девушка. – Так мы сможем поговорить, пока добираемся до места. – Увидев, как он нахмурился, она рассмеялась. – Не волнуйтесь, я аккуратный водитель. Даже папа всегда это признавал. А свою колымагу заберете, когда вернемся.

Не дожидаясь ответа Оливия, повернулась к нему спиной, и легко сбежала по ступенькам террасы, и плавно покачивая бедрами, двинулась в сторону стоянки. Детектив Кэйд Блум раздражал ее. Она поняла это совершенно точно. «Может не стоит лезть, куда не просят?» – закралась в голову мысль и была тут же уничтожена безжалостно-грозным рыком того существа, которое поселилось с недавних пор в ее душе.

Глава 2

Пока они шли к стоянке, Кейд гадал, какой автомобиль может принадлежать такой девушке. На его взгляд ей подошел бы большой, тонированный Джип или, на худой конец, БМВ-Х5. Но и ярко-алый, спортивный Феррари его бы не удивил.

Серо-черный Мустанг призывно моргнул фарами, и глаза детектива загорелись, как у мальчишки, впервые получившего разрешение сесть за руль раздолбанного отцовского грузовичка.

– Шелби TG 500? 67 года? Серьезно?

– А почему бы и нет? – Оливия улыбнулась и любовно похлопала по капоту машины. – Четыреста пятьдесят лошадок, восьмицилиндровый двигатель и разгон до сотни за четыре с половиной секунды. – Самодовольно сказала она. – А вы думали, я езжу на чем?

– Феррари? Ламборджини? Не знаю. – Кэйд пожал плечами. – Что-то модное, более женское, на автомате. Но уж точно не старая, добрая классика.

Оливия невесело усмехнулась. От такого человека, как Кэйд Блум она ожидала большего.

– Вы еще скажите, что я получила эту «тачку», оказывая услуги сексуального характера, какому-нибудь денежному мешку! – грубовато откликнулась она.

– Я вовсе не это имел в виду. – Спокойно сказал Кэйд. – Извините, если я вас обидел, хоть я и не понимаю чем именно.

– Вы меня не обидели. – Вздохнула девушка. – Просто я слишком часто слышу подобные комментарии в свой адрес. И это не может не раздражать. Почему люди всегда мыслят стереотипами?

– Полагаю, это риторический вопрос? – усмехнулся Кэйд. – И потом, обсуждать чужие дела куда интереснее, чем свои собственные. Если люди перестанут сплетничать, о чем же они тогда будут говорить?

– Еще один риторический вопрос? – лицо Оливии осветила короткая, немного ироническая улыбка.

Она знала, что Кэйд прав. От сплетен и разговоров никуда не деться, но как же она это все ненавидела.

Отец, как и Джеймс, любил появляться со старшей дочерью в «свете» с тех пор, как Оливии минуло шестнадцать. А где же еще можно встретить больше сплетников и злопыхателей, чем на светских вечеринках, которые и затевались-то только затем, чтобы вволю поговорить о всякой ерунде, да хорошенько надраться? От всего этого Оливия получала не больше удовольствия, чем от поедания тараканов. Но отца забавляли ее едкие комментарии и остроумные шутки, часто слишком смахивающие на издевку, а она до поры до времени мирилась с выходами в свет, готовая сделать ему приятное. Впрочем, иногда все проходило не так уж ужасно,

но это скорее исключение, подтверждающее правило.

Кэйд молча сидел рядом с Оливией, разглядывая ее тонкие изящные пальцы, с элегантным маникюром, унизанные кольцами, лежащие на руле.

– Я слышала, что вы привлекли к расследованию психолога-криминалиста из Куантико? – спросила девушка, в надежде вытянуть из детектива немного информации, пока они ехали к загородному дому Блэквудов.

– Да. Нэнси Бит. – Сказал Кэйд, удивившись хорошей осведомленности своей спутницы. – А вы откуда об этом знаете?

– Догадалась, когда прочла статью в утренней газете. – Соголала она, не желая признаваться, откуда получила эти сведения. Пока еще не время раскрывать карты.

Уловив во взгляде детектива настороженность, Оливия постаралась придать своему лицу расслабленное выражение.

– Пресса опубликовала ваше интервью, где вы вскользь упомянули о Нэнси Бит. А насколько я помню, вы с ней уже работали? Дело Эргеймского душителя? Вот я и подумала... не понимаю одного, почему полиция не сделала этого раньше?

Кэйд промолчал.

– Нэнси Бит, – задумчиво протянула Оливия. – На ее счету несколько громких дел. Как и на вашем. Как думаете, она сможет помочь?

Кэйд утвердительно кивнул. Он действительно уже рабо-

тал с Нэнси над другим делом. Над своим первым крупным делом. Кэйд тогда только перевелся сюда из Бостона, был новичком в отделе, вот на него и спихнули самое застойное дело душителя-каннибала, швырнули как слепого котенка в грязный селевой поток. Но он смог поймать психопата, и передать его в руки правосудия, не без помощи Нэнси. Симпатичная блондинка-психолог помогала Кэйду на протяжении всего расследования, и именно она тогда первой вышла на его след. Поэтому, как только в руки Кэйда попало дело «Цирюльника» он сразу позвонил Нэнси.

Город кончился, и потянулось унылое, серое шоссе, заросшее по обочинам колючими кустами дикой ежевики, кактусами и прочей сорной травой. Впрочем, где-то там, за полого спускающимся склоном угадывалась и узкая полоска песчаного пляжа.

Кэйд никогда не понимал людей, которые стремились перебраться подальше от городской суеты в сельскую глушь. Для него это значило стоять как бы в стороне от жизни, взирать на нее подобно зрителю в театре. Закаты, нежно-зеленая поросль молодой листвы, просторы вспаханных полей или сумрачная тень лесов, спокойная, зеркальная гладь реки, небо, усыпанное мириадами далеких, холодных звезд никогда не пробуждали в его душе ощущения чуда. Он любил засыпать под автомобильные гудки, и шуршание шин по асфальту, любил наблюдать, как в ночные часы медленно и неохотно затихает огромный город, как гаснут его ог-

ни, угасает шум многочисленных баров, ресторанов и ночных клубов, чтобы на следующую ночь все повторилось снова. Эта была его стихия.

Как часто, в детстве, лежа в кровати и глядя на бледный диск луны, заглядывающий в маленькое, незанавешенное окно, мечтал он именно об этом. Жить в большом городе. У его родителей была небольшая ферма в пригороде Тампы, но он уже тогда знал, что ни за что не останется здесь.

В семнадцать лет Кэйд оставил родительский дом, чтобы никогда туда больше не вернуться. Он уехал в Бостон, некоторое время был рабочим стройке, а потом поступил в академию. Он прожил в Бостоне семь лет, а еще через год умер его отец, и мать продала ферму. Теперь она жила рядом, в доме своей сестры, в Ферр-Пасс и, похоже, уже смирилась с тем, что ее единственный сын стал обычным полицейским...

По мере того, как они удалялись от города, пейзаж за окном становился все более привлекательным. Немного не доехав до большой развилки, Оливия резко свернула на узенькую, грунтовую дорожку. Через некоторое время среди зелени высоких дубов мелькнул небольшой дом, со светло-желтой штукатуркой стен, под красной черепичной крышей. Он стоял немного в стороне от соседних строений и выделялся среди них, как элитный доберман в стае дворняжек. Мустанг медленно проехал по довольно широкой аллее и остановился у парадного крыльца, красиво оплетенного по бокам вьющимся шиповником с набухшими, еще не распустившимися

бутонами.

Роуз-Хилл. Оливия смотрела на коттедж со смешанным чувством отчужденности и боли. Разыгравшаяся здесь трагедия была так свежа в ее памяти и вместе с тем она не чувствовала ничего, кроме неприятного, ледящего сердце холода. Словно не она нашла тела родителей и сестренки, а кто-то совсем другой, имеющий к ней лишь отдаленное отношение.

– Мы на месте. – Зачем-то уточнила девушка, глуша мотор. – Если хотите, я могу повторить все, что было в ту ночь.

– Вы уверены? – Кейд с опаской посмотрел на нее, ожидая чего угодно, только не этой мертвой холодности. Если бы Олив устроила истерику, ему было бы легче понять, что творится у нее в душе. – В смысле для вас это не будет слишком трудно?

– Нет. Нисколько. Это просто дом. Для детектива полиции вы довольно чувствительны. Надеюсь, не грохнитесь в обморок?

– Могу задать вам аналогичный вопрос. И да, если ВЫ вдруг грохнитесь в обморок, надеюсь, у вас в машине найдется аптечка? – невольно съязвил Кэйд.

«И зачем я это сказал?» – недоумевал он, поднимаясь за девушкой по широким ступенькам крыльца.

– В доме не убирались, так что прошу прощения за беспорядок. Я приказала почистить лишь бассейн. Ну, от всей этой крови, знаете...

Не обращая внимания на то, каким взглядом Кэйд на нее посмотрел, Оливия открыла входную дверь и полной грудью вдохнула знакомый, едва уловимый запах розового масла с нотками лимона и сушеной мяты. Здесь всегда пахло так. Мать любила розы, но держать садовника в такой глуши казалось ей глупым. Поэтому по всему дому были расставлены вазы со смесью сухих лепестков и трав, придающие воздуху такой аромат.

Обстановка радовала глаз низкими диванчиками, креслами и чайными столиками. Цветовая гамма яично-серых и голубых тонов, разбавлялась яркими травянисто-зелеными занавесками, накидками и диванными подушками. Раньше Оливии нравилось бывать здесь. Они с матерью сами подбирали каждую вещь, каждый предмет обстановки, стараясь придать дому налет старины, и не чураясь при этом прогресса. Гордостью большой овальной гостиной, несомненно, был камин, топившийся по старинке дровами и старинные резные часы, высотой в рост человека. Вся семья нередко собиралась здесь. Мать с отцом сидели у огня в глубоких креслах, а они, «дети» на большой медвежьей шкуре, брошенной на пол. Сейчас же Оливия лишь равнодушным взглядом окинула это некогда уютное, семейное гнездышко и отвернулась.

– Мы с Грегом приехали сюда около половины первого ночи. Меня сразу удивило то, что сигнализация не работала. – Сказала она.

– Вы не знали, что в доме кто-то есть? – спросил Кэйд.

– Разумеется, нет. Я сказала родителям, что еду на уикенд в Мертл-Гров, к подруге. У отца была намечена днем важная встреча, и я посчитала, что он слишком устанет, чтобы везти семью за город. Мама же, никогда не поехала бы сюда одна. Да и машина перед домом не стояла. Здесь, конечно, есть гараж, но папа не любил им пользоваться. Я подумала, что родители просто забыли включить систему. Такое пару раз случалось.

– Они часто приезжали сюда?

– Отец купил этот коттедж для моей матери лет восемь-девять назад. Она говорила, чтобы сохранить остроту чувств в браке, просто необходимо порой побыть наедине. Родители оставляли городской дом на нас с Джеем и ехали сюда. Но мы тоже часто бывали здесь, особенно летом.

Оливия достала сигареты и пошла в сторону кухни, в поисках пепельницы. Кэйд пошел за ней, чувствуя, как поскрипывает под ногами песок. Дому настоятельно требовалась уборка. Наверняка вид из окон кухни в лучшие времена был просто потрясающий. Точнее сказать это была даже и не кухня, а скорее терраса, где одну стену занимало огромное окно, выходящее на задний двор.

– В гостиной работал телевизор. – Оливия, как ни в чем не бывало, продолжила рассказ. – Я поняла, что тщательно разработанная легенда накрылась и была готова к грандиозному скандалу. Представляете, ЧТО устроил бы мой отец,

узнав обо всем?

– Они были сторонниками строгих методов воспитания? – Кэйд сел на высокий барный стул, с любопытством смотря на девушку.

– Дело не в этом. Мне предоставлялась полная свобода действий, коль скоро они об этом не знали. Подозреваю, что папа был в курсе многих моих романов, но он никогда об этом не говорил. Мама же наверняка пришла бы в ужас, узнав кое-какие подробности. – усмехнулась она. – Впрочем, их можно понять. Вот вы бы позволили своей дочери провести ночь в компании парня, которого никогда не видели?

Кэйд с улыбкой покачал головой. На месте отца Оливии Блэквуд он бы вообще посадил свою дочурку под замок и запретил выходить на улицу. Слишком уж она была своевольной, и это бросалось в глаза, тем более принимая во внимание ее юный возраст.

– А почему вы просто не уехали? – с интересом спросил Кэйд. – Когда поняли, что в доме кто-то есть? Ведь помимо ваших родителей, это могли быть совсем другие люди. Грабители, например? Что мешало вам быстренько отсюда убраться, пока вас не застукали?

– Вы не знали моего отца! – фыркнула Оливия. – Не уверена даже, что разозлило бы его больше – уикенд с Грегом или то, что я, попавшись на собственной лжи, попыталась бы все скрыть? У него имелся пункт на этот счет. А доказать, что я их обманула, не составило бы труда.

– В каком смысле? – не понял Кэйд.

– Видеонаблюдение. На подъездной аллее и у входа установлены камеры. Они работают в автономном режиме и реагируют на движение. Если бы мы с Греггом провели здесь выходные, как и планировали, после я бы стерла записи, не впервой. Понимаете теперь, что бежать было просто бессмысленно?

– Постой! В полицейских отчетах нет упоминаний о видеозаписях! Если бы они там были, я бы это знал. – Кэйд недоверчиво посмотрел на Оливию, полагая, что она либо что-то путает, либо лжет, но в чем тогда смысл, вообще упоминать о камерах?

В глаза девушки вспыхнули недобрые огоньки. Затушив окурок в пепельнице, она скривилась:

– Значит, детектив Слоан их так и не приобщил? Что ж, этого следовало ожидать. Я лично отдала ему диск с записью. Не той ночи. Камеры, как и сигнализация, тогда не работали, но мы с Робертом, это начальник службы охраны Блэкфилд, скачали весь материал за предыдущий месяц.

Глядя на ее грустное и рассерженное лицо, Кэйд вдруг понял, что верит ей. У нее действительно не было причин скрывать улики, ценности которых она, возможно, даже не понимала. Но Слоан-то, гад ползучий, куда смотрел? Не хотел лишней работы. Ох, с каким бы удовольствием Кэйд набил бы морду этому типу! Неудивительно, что они так ничего и не поймали. Но не говорить же этого Оливии. В конце

концов, Эд Слоан был его коллегой.

– Мне жаль, что так получилось. – Невольно вырвалось у него. – По всей видимости, детектив Слоан не считал эти записи важными и диск теперь в хранилище улик. Плохо, конечно, но ничего уж не поделаешь. Я бы хотел на них взглянуть чтобы...

– На самом деле нет ничего проще. Не думаете же, вы, что я отдала Слоану оригиналы? – перебила его Оливия. – Да у него с самого начала на роже было написано, что он полный идиот! – грубо припечатала она.

– Давайте не будем обсуждать умственные способности детектива Слоана? Вы не против?

Оливия фыркнула, но все же промолчала. Закурив еще одну сигарету, она сняла с волос заколку, тряхнула огненно-рыжей гривой и, заправив за ухо выбившуюся прядь, продолжила рассказ:

– В ту ночь было прохладно, но я все равно попросила Грега проверить бассейн, а сама хотела подняться наверх в спальню родителей.

Кэйд встал и открыл дверь, ведущую на задний двор, залитый солнечными лучами. Бассейн был большой, неправильной формы и глубокий. С левого края на него падала тень от соломенного навеса, где было устроено некое подобие бара. Четыре шезлонга стояли на другой стороне, у сложенных зонтиков.

– Ночью работает подсветка, видите прожектора? – спро-

сила Оливия, указывая на светильники, встроенные в голубой кафель у самого дна. — Я уже поднималась по лестнице, когда услышала дикий визг. Никогда бы не подумала, что взрослый парень способен так визжать!

Кэйд с сомнением посмотрел на нее. Что-то не клеилось. Ну не может молодая девушка с таким спокойствием рассказывать о том, что произошло с ее семьей. Это ненормально! Он прекрасно знал, как выглядят жертвы «Цирюльника». От их вида мутило даже бывалых копов, не говоря уж о простых обывателях. Так что тут было, над чем задуматься.

— Я бросилась сюда. И увидела сначала Грега, продолжающего вопить, как иерихонская труба, а уж потом и все остальное. Три тела, плавающие в кроваво-бурой воде. Мать с отцом здесь, у самой лесенки, а Джин... — тут она запнулась, словно внезапный спазм сдавил ей горло. Несколько раз глубоко затянувшись сигаретой, она затушила бычок о стойку крыльца, выпустила дым и только после этого продолжила. — Джинни была там, под навесом. Я ее даже не сразу заметила. Неприятное зрелище.

Оливия задумчиво устремила взгляд на бассейн. Перед ее глазами встала страшная картина той ночи. Чудовищным усилием воли она не позволила себе тогда упасть в обморок, потерять самообладание, хотя ей и хотелось завизжать ничуть не тише Грега. Втолкнув парня в дом, она заперла дверь и вызвала копов, с трудом борясь с подступающей к глазам темнотой. Полиция приехала через двадцать минут. За это

время дурнота немного отпустила, и Оливия смогла достаточно внятно рассказать им все. Она знала, для того чтобы поймать того, кто это сделал, надо по возможности более полно восстановить картину случившегося.

— Вот как-то так. — Развела она руками. — Знаете, что меня удивило еще тогда? Нигде больше не было крови. Ни в доме, ни возле бассейна. Такое ощущение, что их сначала скинули в воду, а потом поработали бритвой. Но почему они не сопротивлялись?

— Он их душит. Рыболовной леской. А потом наносит рисунок. — Тихо сказал Кэйд.

— Это я и без вас знаю. Видела странгуляционные борозды на телах. Репортеры постарались. Но почему они не сопротивлялись, пока их душили?

— Вас только это удивляет? А вот я задался вопросом, почему именно ваши родители, мисс Блэквуд? До этого времени все его жертвы принадлежали к среднему классу. И откуда «Цирюльнику» стало известно, что они будут здесь? Если даже вы сами этого не знали...

— Это вопрос вопросов.

Раздался резкий звонок телефона. Достав из сумки мобильный, Оливия кинула беглый взгляд на экран и на ее лице появилась недовольная гримаса. Убрав звук, девушка снова бросила телефон в сумку.

— Не будете отвечать? — любопытствовал Кэйд.

— Нет. Вот скажите, почему парень, с которым ты не же-

лаешь иметь ничего общего, так настойчиво хочет с тобой встретиться?

– Может, он влюблен? – предположил Кэйд, ощутив внезапно какое-то неприятное чувство.

– Ага, в мои деньги. Подумаешь, перепихнулась с ним пару раз. – С очаровательно-легкомысленной пошлостью откликнулась Оливия. – С каких пор это называется любовью?

Глядя на ее умильно нахмуренное личико с закушенной от недовольства нижней губой, копну ярких локонов и эти потрясающие сине-зеленые глаза, Кэйд уже в который раз за это утро задался вопросом – кто же такая Оливия Блэквуд на самом деле? Легкомысленная дура, которая несет всякую чепуху, чтобы не возникало неловких пауз в разговоре? Не похоже. Хладнокровная, расчетливая психопатка, убившая своих родителей и кучу других людей в придачу? Немного подумав, он пришел к выводу, что это просто невозможно. Но что же тогда не давало ему покоя? Она была страстной, вспыльчивой и при всем этом, похоже, хорошо умела держать себя в руках, когда возникала такая необходимость.

Детектив Блум всегда считал, что неплохо разбирается в людях, но эта девушка вызывала массу вопросов, на которые у него пока не находилось ответов. словно перед ним оказалась красивая, резная шкатулка с драгоценным содержимым, а вот ключ еще надо было найти, и только от него зависело, откроется этот ларчик или нет. И внезапно Кэйд

понял, что ему это нравится. А, поняв, он был готов бежать от Оливии или от самого себя как можно дальше. Они люди из разных социальных слоев, из разных миров. «И она потерпевшая» – напомнил себе детектив, направляясь обратно в дом.

Глава 3

Детектив Блум плохо спал этой ночью и явился на работу мрачным и уставшим. Двое его помощников Герт Маквелл, курносый, краснощекий здоровяк с густой шевелюрой цвета спелой пшеницы, и Сэм Принк, которого в отделе за глаза дразнили хорьком, уже были на месте, просматривая вечерние отчеты патрульной службы.

Кэйд поздоровался, налил себе свежего, но от этого не менее гадкого кофе и сел за стол. Им предстоял очередной длинный рабочий день, из разряда тех застойных, когда ты подобно слепому кроту продираешься сквозь толщу земли к поверхности, постоянно наталкиваясь на препятствия и преграды. Информации по делу «Цирюльника» было все еще крайне мало, хотя детектив Слоан и оставил своему преемнику целую кипу записок. Правда, после встречи с Оливией, Кэйд уже не так сильно полагался на его отчеты. Показания же родных и друзей жертв разнообразием не отличались, сводясь в основном к малоинформативным рассказам о характере и образе жизни каждого убитого.

Как считал сам Кэйд, их основная проблема сводилось к одному. У «Цирюльника» не было четко очерченного круга жертв. Он, не охотился, как любой другой уважающий себя серийный убийца, только за блондинками или школьницами или маленькими мальчиками. Его страстью были пары.

Мужчина и женщина, иногда, как в случае с Блэквудами подались и «тройки» (но это реже). Причем мужчина, как правило, старше женщины лет на десять-пятнадцать. А в остальном разброс был колоссальный. Все его жертвы происходили из разных социальных слоев, имели абсолютно несхожие внешние параметры, возрастной диапазон и сферы интересов. Невозможно было предугадать, где этот псих нанесет свой следующий удар. Рассматривая раз за разом стенд, на котором в хронологическом порядке размещались данные о каждом убийстве, детектив Блум все думал о том, что же они упустили, прекрасно понимая, что должно быть что-то общее между всеми жертвами. Что-то, что пока ускользало от их внимания...

Капитан Монд Ровиго высунулся из своего кабинета и махнул детективу рукой. Предчувствуя что-то нехорошее, Кэйд поднялся со своего места и вошел в кабинет начальника, плотно прикрыв за собой дверь.

– Мне только что звонил личный помощник мэра, ну тот, молоденький, Тони Фелтон. – Сказал капитан, раздраженно нахмутив свои густые темные брови, от чего они сразу сошлись вместе, образуя над глазами прямую линию. – Оливия Блэквуд хочет участвовать в расследовании дела «Цирюльника». И меня настоятельно попросил взять эту девочку в твою команду, в качестве консультанта.

Кэйд вспыхнул. Этого только не хватало! Он и представить себе не мог, что Оливия так нагло влезет на его терри-

торию.

– Какого черта?! – воскликнул он. – Об этом не может быть речи! Я детектив полиции, а не нянька для вздорной девчонки, которой захотелось поиграть в сыщика!

– Детектив Блум! Кэйд. – капитан примиряюще поднял руку. – Ты уже давно служишь в полиции, так что не делай вид, будто не понимаешь, как обстоят дела. Нам нужна поддержка властей. Без этого никак. Мы же не хотим огорчать помощника мэра, правда? Да и слово «попросили» здесь стоит в кавычках.

– Но она потерпевшая?! Как быть с этим? – не сдавался Кэйд, но, видя, что капитан настроен решительно и серьезно, сменил тон и попытался зайти с другой стороны. – Послушайте. Я вполне могу понять ее чувства. Убили ее родителей, но так же нельзя! А если с ней что-нибудь случится? Да ее родственники нас засудят! Думаете, мэр станет нам помогать?

– Она подписала отказ от любых претензий по несчастным случаям и ее здоровье совсем не наша забота. Так что теперь, она член вашей команды. И да, это приказ! – с нажимом сказал капитан. – К тому же, я не думаю, что мисс Блэквуд долго продержится здесь. Извините детектив, но больше я ничего не могу сделать. Надеюсь, вы это понимаете?

Кэйд молча кивнул. Конечно, он понимал. «Вот маленькая дрянь!» – пронеслось у него в голове. Надо же было додуматься до такого! И откуда только у нее взялись связи в мэ-

рии?

Судя по тому, с каким выражением лица детектив Блум вышел от капитана, можно было подумать, что наступил конец света. Помощники с любопытством переглянулись, но так и не рискнули обратиться к нему с вопросом. Ни одному из них не хотелось попасть под горячую руку и поэтому оставалось только гадать, что же произошло и ждать, пока Кэйд сам им все не расскажет. Однако он явно не спешил этого делать.

Кэйд как раз просматривал утренние сводки, когда до него долетел запах духов – горькая вишня и перец. Он сразу узнал необычный аромат и непроизвольно вскинул голову. Сэм и Герти многозначительно улыбались, поглядывая в сторону дверей. Кэйд оглянулся, чтобы лицом к лицу столкнуться с той, о которой думал весь прошедший вечер. Оливия, вырядившаяся этим утром в светло-горчичные брюки и бежевую блузку с высоким стоячим воротничком и короткими рукавами-кимоно, очаровательно улыбнулась ему, как старому знакомому.

– Явилась! – едва слышно, сквозь зубы пробурчал Кэйд.

– Доброе утро, детектив. – Нежно пропела девушка. – Я так понимаю, вам уже сообщили.

Кэйд хмуро кивнул. Он заранее предвидел, какой обузой окажется Оливия для него и его команды. Она, по мнению Кэйда, плохо себе представляла нюансы работы в отделе насильственных преступлений. Грязь, кровь, тяжкий

груз ответственности и безвыходное отчаянье людей, впервые столкнувшихся со смертью. Он знал наперед, что она вряд ли придет в восторг, когда ее хорошенькие ручки окажутся, перепачканы в грязи, как и модные туфельки на высоких каблучках. И когда ее могут выдернуть в любое время суток, в любую погоду из теплой постели, для осмотра очередного места преступления. Это не говоря уж о том, ЧТО порой приходилось осматривать. А как «благоухает» труп двух-трех недельной давности, пролежавший в душном, закрытом помещении и вспоминать не хотелось.

Но раз уж капитан позволил ей участвовать, то именно ему, Кэйд, придется показать ей всю изнанку работы профессионального детектива. А он уж точно постарается сделать так, чтобы Оливия поняла – она здесь лишняя, и сама приняла решение уйти.

– Лучше бы вы сидели дома и не путались у меня под ногами! – неожиданно для самого себя резко выдал он.

– Я хочу помочь. – Спокойно заметила девушка.

– Вас все это забавляет, да? Посмотрим, что вы скажете завтра! – Кэйд подвел Оливию к коллегам. – Знакомьтесь, это мои помощники Сэм и Герти. А это Оливия Блэквуд.

– Приятно познакомиться. – Улыбнулась девушка.

– Она будет работать с нами по делу «Цирюльника». – Буркнул Кейд, с неприязнью наблюдая, как его коллеги улыбаются в ответ.

– А уж как нам приятно! – сразу оживился Герти. – Что же,

позвольте узнать, привело столь прелестную молодую особу в участок?

– Любопытство. Исключительно любопытство, детектив. – Кокетливо взмахнула длинными ресницами Оливия. – «Цирюльник» убил моих родителей и сестренку, и мне очень, просто очень любопытно узнать, зачем он это сделал. Ну и, разумеется, узнать, кто он, черт подери, такой! И раз уж полиция, за прошедшие полгода ровным счетом ничего не сделала, я подумала, что вам просто необходима помощь. – В голосе Оливии явственно прозвучали нотки сарказма.

– Исчерпывающий ответ? – спросил Кэйд, едва сдерживая рвущийся наружу хохот. Герти выглядел таким растерянным. Он явно не ожидал, что эта девица окажется такой острой на язычок. – Ладно, парни! Вам разве нечем заняться? Идите работать! – сказал он.

Детективы удивленно переглянулись. По сути, Оливия только что открыто, поглумилась над всем их отделом, а Кэйд даже не счет нужным поставить ее на место. В чем тут было дело, они пока не знали, но решили обязательно выяснить.

– Чем будем заниматься? – спросила Оливия, когда детективы ушли.

– Я работой! А вы можете сделать большое одолжение и посидеть где-нибудь в уголке. – Кэйд нарочно решил подразнить Оливию, давая ей понять, что хорошие связи еще

не залог успешного мероприятия.

Но для Оливии в поведении Кэйда не было ничего неожиданного. Она привыкла к тому, что люди замечают в основном только ее внешность и полагают, что за этим ярким «фасадом» нет ничего стоящего. Просто глупенькая красавица, которой взбрело в голову – порассуждать о политике, фондовых рынках, экономике, бизнесе или как в данном случае «поиграть в сыщика». Такой ее увидел и Кэйд, но сейчас девушка была далека от мысли, чтобы обидеться.

Оливия достаточно часто сопровождала отца и на фуршеты и благотворительные вечера, где люди (в основном мужчины) говорили с ней о бизнесе с таким видом, словно это было слишком сложным для ее маленького умишка и обычно очень удивлялись, когда она отвечала на их вопросы куда более обстоятельно, чем вообще требовалось. Она к этому привыкла и уже давно поняла одну простую вещь – не стоит никому ничего доказывать.

Смерив детектива высокомерным взглядом, девушка усеялась за его столом, вальяжно развалившись в дешевом офисном кресле с шаткой, накренившейся спинкой.

– Даже не надейтесь, детектив! Я лезла в глаза к помощнику мэра не для того, чтобы, забившись в уголок наблюдать за работой таких замечательных профессионалов, как вы, которые за целых полгода не продвинулись ни на шаг.

– Как хотите. – Кэйд равнодушно пожал плечами. Но за этим видимым безразличием проглядывало хорошо

скрытое раздражение.

Он взял себе другой стул и сел. Просматривая свежие сводки, детектив краем глаза наблюдал за Оливией, которая, похоже, чувствовала себя в участке весьма комфортно. Насвистывая веселенькую мелодию, она с любопытством маленькой девочки, смотрела по сторонам. Ее взгляд скользнул по стенам, покрашенным в светло-серый цвет, по столам, заваленным бумагами и тусклым окнам почти под самым потолком, и остановился, наконец, на стенде с фотографиями. Она подошла к стенду и стала внимательно разглядывать цветные снимки, словно отмечала что-то у себя в голове. Кэйд уже хотел спросить, что она надеется там, увидеть, но его отвлек телефонный звонок.

Лицо детектива стало угрюмым, когда он взял трубку. На другом конце провода сообщили об очередном убийстве. Из задних комнат вышли Герти и Сэм, тоже хмурые, скованные...

– Я так понимаю «Цирюльник» снова вышел на охоту? – спросила Оливия.

– Поедете с нами! – отрывисто сказал Кэйд.

В данный момент он был почти рад, что свершилось еще одно убийство, ни на секунду не забывая о возможности найти в действиях этого психопата ошибку, просчет способный вывести их на его след. Ошибку, которой не было в прошлый раз. И еще, ему показалась очень забавной возможность увидеть Оливию Блэквуд в роли детектива полиции, избавиться

от нее и заняться, наконец, настоящей работой.

– Разумеется, поеду! – девушка холодно взглянула на него. – Это будет интересный опыт.

В ответ Кэйд лишь криво усмехнулся. Для него, как и для многих его коллег, выезд на место преступления был необходимой, но крайне неприятной обязанностью.

Сэм и Герти ждали их возле участка в стареньком полицейском Форде. С сомнением поглядев на их, выдавший виды автомобиль, Оливия тронула детектива за плечо:

– Может, поедем на моей машине?

Вспомнив запах кожаного салона и сытый звук мотора ее мустанга, Кэйд кивнул и нагнулся к Форду:

– Я поеду с мисс Блэквуд.

Удовлетворенно хмыкнув, Оливия, покачиваясь на высоких каблуках, направилась к своей машине. Пока Кэйд разговаривал с помощниками, она успела поменять элегантные, но совсем неудобные шпильки на коричневые мокасины с блестящими металлическими пряжками.

Детектив Блум в своих предположениях не учел главного – Оливия Блэквуд была готова к тому, что ей предстояло увидеть!

Глава 4

Солнечные блики играли в водах залива, превращая темную воду в сверкающее покрывало. Холод зимних месяцев мало помалу уступал свои позиции, и оставалось совсем немного до того время, когда большие, городские пляжи заполняться туристами, потянет запахом жарящихся на гриле колбасок и зазвонят в высоких бокалах льдинки, охлаждая причудливые смеси коктейлей. До самого утра будет играть музыка, а огни многочисленных отелей рассеивать теплый сумрак летней ночи.

– Вы любите лето? – неожиданно спросила Оливия, лихо, входя в крутой поворот.

Кэйд погруженный в мысли о предстоящей и далеко неприятно работе, едва расслышал ее вопрос.

– Люблю ли я лето? – переспросил он, возвращаясь к реальности. – Сложно сказать. Каждое время года несет с собой свои плюсы. Хотя, на мой взгляд, это полнейшая чепуха.

– Ба! Да вы оказывается из рода романтиков! – усмехнулась девушка. – Почему он с такой тщательностью орудует бритвой? Не только оставляет свой, фирменный знак, на теле, а искусно вырисовывает линии? Ведь гораздо проще оставить рядом с трупом какой-нибудь предмет, накрыть его, уложить в определенной позе, нарисовать смайлик на стене, в конце концов!

Резкий переход от темы несколько спутал мысли Кэйда. Подумав пару секунд, он ответил:

– Это часть его ритуала. Пока еще сложно сказать, почему он делает все именно так. К тому же, я думаю, он с нами играет. Хочет показать свое превосходство, и дать понять, что время не играет для него никакой роли, и он может себе позволить не торопиться. Эксперты считают, для того, чтобы нанести такой рисунок, надо потратить не один час.

– И этот знак, двойная бесконечность. Почему «Цирюльник» выбрал его? Он означает вечность бытия, невозможность познания этого мира до конца и стремление к идеалу. Может он считает, что смерть это высший идеал для пары возлюбленных?

– Нэнси сказала то же самое. Были даже предположения, что наш психопат профессор или ученый в области математических исследований. – Сказал Кэйд.

– Об этом в газетах не писали. – Заметила Оливия. – А вы знаете, что происхождение самого знака бесконечности далеко не математическое? Этот символ использовался еще в тибетских наскальных гравюрах. Он изображался в образе змеи, кусающей свой хвост. По легенде этот змей по имени Уроборос, пытался съесть себя, но со временем вырастал и не мог этого сделать, и так продолжалось вечно. Поэтому он и стал обозначать начало и конец, и их соединение в естественных циклах бытия.

Неожиданно для самого себя Кейд улыбнулся. Присут-

ствие Оливии Блэквуд внезапно перестало его раздражать.

– Откуда столько глубоких познаний? – с легким удивлением спросил он.

– Изучала правление тибетской династии Ярлунг, в университете. И кое-что знаю о символах и рисунках. Как видите, детектив, я могу пригодиться.

Кэйд отвернулся. Уверенность, с которой Оливия говорила о своем участии в деле, снова вызвала у него раздражение.

Им оставалось ехать не более десяти минут, и он предпочел бы ни о чем не говорить сейчас, и не отвечать на вопросы неопытной девчонки. Они отвлекали его, не давая сосредоточиться на предстоящем деле.

Подрулив к невысокому, спрятанному среди зеленых ветвей старых кленов, дому, девушка глубоко вздохнула. Видимо его вид воскресил ненароком неприятные воспоминания. Здесь совершилось убийство.

Для Кэйда любое место преступление имело свой незримый тонкий аромат смерти. Он буквально каждой частицей себя ощущал его холод и прежде чем пересечь желтую ленту, всегда замирал на пару секунд, вслушивался, впитывал звуки и ароматы, витающие в воздухе. Без этого он чувствовал себя незащищенным. Знакомые, те с кем он много лет проработал бок о бок, хорошо знали эту его привычку, поэтому не обращали внимания.

Детектив остановился, перед желтой лентой собираясь с мыслями, когда в него на полном ходу врезалась Оли-

вия. От неожиданности он среагировал как вполне обычный, но умудренный специфическим опытом человек. Руки девушки оказались зажаты сзади его крепкими руками.

– Оу! Детектив! Как вы нетерпеливы! Я, конечно, люблю жесточе, плетки, наручники и все такое. Но не здесь и не сейчас. – Воскликнула Оливия, ехидно прищутив свои синие-зеленые глаза. – Так что? Может, отпустите меня? – Улыбнулась девушка.

– Вам стоит быть осторожнее. Это все-таки место преступления, а не парк развлечений. – Наставительно сказал Кэйд, пропустив мимо ушей ее замечание о наручниках и плетках.

– Неужели вам обязательно быть таким занудливым? – рассмеялась она. – Какого черта вы тут вообще встали, как памятник в парке?

Не желая объяснять причины своего поступка, Кэйд молча приподнял заградительную ленту и пропустил девушку вперед, попутно махнув рукой одному из маячивших здесь офицеров. Пока он разговаривал с местными полицейскими, Оливия внимательно разглядывала окружающую обстановку. Сходства с остальными местами, где «Цирюльник» оставлял тела, пока не наблюдалось, если не считать загородного дома Блэквудов, где были убиты ее родители и сестренка. Да и то, этот домишко едва ли мог соперничать с Роуз-Хилл. Отец никогда не покупал дешевки.

Поднявшись по скрипучим ступенькам к входной две-

ри, Оливия задержалась на пару секунд, впитывая, как губка воду, малейшие детали обстановки, как и сам детектив Блум минуту назад. Из полутемного коридора веяло сыростью и спертым запахом каких-то лекарств. Выцветшая дорожка, брошенная на пол, смялась от бесчисленных хождений людей в форме. Увидев, что Кэйд направился к дому, Оливия собралась духом и переступила порог. И вот странность, но все посторонние чувства вдруг исчезли, как будто испарились под натиском пробудившегося инстинкта настоящей ищейки. Она сама от себя такого не ждала.

Обстановка внутри дома вполне отражала его внешний вид – такая же обветшавшая, неуютная. Светлые обои кое-где свисали малоаппетитными клочьями, обивка дивана и кресел в маленькой гостиной остро нуждалась в услугах химчистки, низенький плетеный кофейный столик, густо усеянный пятнами, был завален журналами мод, смотрящимися дико здесь. Занавески, не стиранные бог знает сколько времени, колебались ветерком, залетающим сквозь распахнутое, засиженное мухами окно. Атмосфера этого дома действовала угнетающе.

Из гостиной вела еще одна дверь, в узкий коридор без окон. В нем уже явно ощущался запах разложения. Оказавшись там, Оливия прижала к носу рукав ветровки, давая себе возможность чуть привыкнуть. Заметив ее брезгливое движение, Кэйд позволил себе ехидную улыбку. Его предположения начинали оправдываться.

Дверь в ванну была открыта. Там на полу неестественно вывернув шею, лежала молодая девушка. Ее светлые волосы веером были рассыпаны по грязному полу. Остекленевшие глаза, налитые кровью смотрели в пустоту. Кэйд приоткрыл глаза – на обнаженном теле четкими линиями виднелись следы от бритвы. Сомнений быть не могло, это дело рук «Цирюльника». Коронер еще не приехал, и сложно было сказать, сколько времени труп пролежал здесь. Стараясь не оставлять следов детектив Блум вошел в помещение, слегка поморщившись от вида наполненной кровью ванны.

Легкое позвякивание за его спиной, заставило его обернуться. Оливия рылась в сумочке, и металлическая застежка ударялась о дверной косяк. Наконец она нашла то, что искала. Кэйд почему-то был уверен, что она ищет носовой платок или еще что-нибудь подобное, но девушка к его удивлению держала в руках пару резиновых перчаток.

– Что? – спросила она, заметив его удивленный взгляд. – Я хочу осмотреть труп.

Осмотреть?! Черт возьми! Да она должна была упасть в обморок от одного вида обескровленного тела, смотрящего на них безучастными взглядом. Любая нормальная девушка ее возраста и положения именно это бы и сделала. А она с невозмутимым видом присела на корточки, осторожно, а главное со сноровкой, осматривая тело.

– Похоже эта девушка мертва уже дня два или три. – Изрекла Оливия, нагнувшись еще ниже к телу. – Посмотрите,

какие четкие линии. Он должно быть не один час трудился над этим.

– Как и всегда, – глухо сказал Кэйд. – они всегда в таком виде. Изрезанные и в воде.

– Мерзость! Только эта бедняжка не в воде. – Как бы между делом отметила Оливия. – Похоже, ее вытащили оттуда. Да, и она одна. А где же ее приятель? Разве он не должен лежать вместе с ней?

– Это правило он соблюдает не всегда. У «Цирюльника» уже были одиночные убийства.

Девушка брезгливо сморщила нос, поднялась и еще раз обошла вокруг трупа. Ни синяков, ни других отметин, кроме странгуляционной борозды на шее и бритвенных порезов. Так же, как на телах ее родителей. Их всех сначала задушили, а потом...

– Коронер приехал. – Сообщил появившийся в дверях Герти. – И еще хозяин дома.

Его взгляд сфокусировался на Оливии и он, удовлетворенно хмыкнул.

– Она снимала дом в такой глуши? – спросила Оливия. – Странновато для такой молоденькой и симпатичной девушки.

– С хозяином можно поговорить? – Кэйд несколько оживился.

Убитая девушка не была родственницей владельца, а значит можно попытаться выжать из него больше информации.

«Но не стоит на это слишком надеяться» – тут же сказал он себе. «Показания той же Оливии хоть и отличались поразительной содержательностью, мало чем смогли помочь».

– Да. Он сидит на кухне. Сейчас с ним Сэм.

– Только прежде послушаем, что скажет Хью.

Хью Сандерсон, в темно-синем комбинезоне и с неизменным коричневым чемоданчиком уже показался в дверном проеме. Оливия с интересом посмотрела на этого человека. Невысокий, среднего телосложения, с густой русой шевелюрой и блеклыми голубыми глазами, Хью выглядел как мелкий офисный клерк, а вовсе не человек близко знакомый со словом смерть.

– Добрый день, – поздоровался он. – Детективы! Мисс! Слишком приятный день для такой работенки.

Его голос, такой же бесцветный как глаза, манера держаться и выражение лица вполне соответствовали специфике его работы. Не сложно было понять, почему этот человек занимается тем, чем занимается. Похоже, заботы и дела, выходящие за пределы холодильной камеры и не касающиеся на прямую оцинкованного прозекторского стола с канавками, не интересовали Хью Сандерсона.

– Что можешь сказать? – спросил Кэйд с оттенком уважения, проскальзывающего сквозь предельную серьезность.

– А что я могу сказать, если только вошел? Вот покопаюсь внутри этой тушки, тогда смогу сказать больше. – Немного меланхолично, буднично откликнулся Хью, и Оливия почув-

ствовала, как улыбается против воли. Этот человек начинал ей нравиться.

Он нацепил резиновые перчатки и присел. Они втроем наблюдали за каждым движением Хью, желая услышать что-нибудь интересное.

– Ну? – не выдержала Оливия.

– Здесь труп! – торжественно объявил Коронер. – Мертва похоже дня три. А что теперь в полицию посылают таких очаровательных стажеров?

– Я помогаю детективу Блumu в этом деле. – Улыбнулась девушка.

– Пошли, поговорим с хозяином дома. – Нахмурившись, сказал Кэйд. – Хью! Как только...

– Так сразу! – сказал он. – Не мешайте мне работать!

Глава 5

Как удивительно порой вещи, и предметы являют нам отражение своих хозяев. Старенький, обветшалый дом, где произошло убийство, действительно подходил его владельцу. И дело тут было даже не во внешности мужчины, восседающего теперь с полубезумным видом на старом, колченогом стуле. Коротко подстрижен, и у хорошего парикмахера, одежда хоть и простая, однако вполне соответствует времени суток. Завали его Гимли Фейт. Самый обычный, ничем не примечательный субъект. Женат, ходит на обычную работу, по воскресеньям, а может и вечерами, заглядывает в бар, ездит на потрепанном седане и платит ипотеку. Ску-у-ка!

Оливия с рассеянным видом слушала стандартные вопросы, которые задавали детективы и не менее стандартные ответы, на эти самые вопросы, которые были выше ее понимания. Зачем забивать себе голову кучей никому ненужных подробностей, когда их наверняка сможет выяснить и рядовой коп?

Наверное, выражение ее лица полностью отражало внутренние мысли, потому что детектив Блум как-то особенно гадко ухмылялся, всякий раз наталкиваясь на ее задумчивый, скучающий взгляд. От этого становилось неудобно.

Оливия встала и прошлась по комнате, совмещенной с кухней, и играющей здесь роль столовой. Роскошь для по-

добных домов, надо сказать. И хозяева, скорее всего, это тоже понимали. Неуютная обстановка дома с лихвой искупалась пределами этой комнаты. Большой круглый стол орехового дерева, высокий буфет с расставленной в нем дорогой посудой и мелкими безделушками, наподобие керамических слоников и собачек в шляпках. Пара прелестных картинок на светло-розовых стенах и большие часы в серо-стальном, металлическом корпусе. У самого входа этажерка, заваленная всякой мелочью. В принципе, призналась Оливия, эта комната не вызывала никаких неприятных эмоций. Находясь здесь, можно было и забыть, в каком плачевном состоянии находилось все остальное.

Устремив рассеянный взгляд в окно, где яркое солнце сменилось плотными облаками, принесенными с залива, Оливия почти не слышала, что говорил Гимли Фейт своим глухим, скрипучим, словно у него пересохло в горле, голосом. Она напряженно размышляла, пока вдруг одна интересная мысль не мелькнула в голове. Догадка была настолько неожиданной, что девушка обернулась с той стремительностью, какая присуща людям живого, горячего нрава в краткие минуты озарения. Оливия подошла к детективам и стала более внимательно вслушиваться в разговор, ожидая удобного момента вклиниться со своим вопросом.

Убитую звали Агата Милли. Она снимала этот дом девять месяцев, пока училась в колледже и работала неподалеку в магазине электротоваров. Гимли Фейт и его жена сдава-

ли ей комнаты за символическую плату, пользуясь ее услугами в качестве сторожа и горничной. «Она была милой девушкой. Приехала девять месяцев назад из Энсли, работала неподалеку, в магазине „у Дэйвиллс“, но я ее мало знал. Всеми делами занимается моя жена» – сбивчиво повторял Гимли, то и дело судорожно вздыхая.

Что-то во всем этом вызвало у Оливии короткий, нервный смешок, но она постаралась сдержаться. Гимли Фейт ей не нравился. Может быть потому, что он врал? И врал плохо.

– А ваша жена в курсе, что вы с ней спали? – прямо спросила девушка.

– Что? С чего вы взяли? – голос Гимли сорвался на фальцет. – С какой стати вы позволяете себе грязные намеки?

– Это был не намек, а утверждение. Вы спали с Агатой Милли. Вас она ждала в ночь своего убийства и, скорее всего, это вы вытащили ее из воды. А сейчас вы безумно рады, что сильно опоздали на встречу, потому что в противном случае вместо одного трупа, у нас оказалось бы целых два и, причем один из них ваш! Не так ли? – прищурилась Оливия.

Гимли Фейт сильно покраснел и бешеными глазами уставился на Оливию, вполне себе натурально изображая крайнюю степень возмущения. Впрочем, Кэйд был поражен ее словами ничуть не меньше. Чувствуя, что ситуация вот-вот выйдет из под контроля, он оттащил девушку в сторону.

– Что ты себе позволяешь? – прошипел он.

– Я делаю вашу работу, только и всего. – Жарко и несколько-

ко возмущенно зашептала Оливия, и ему на миг показалось, что в ее глазах, заплясали чертики. – То, что Агата ждала мужчину, в ту ночь, когда ее убили, сомнений быть не может. Посмотрите внимательно. В ванной на полочке стоит дорогой гель для душа, он мужской. Две зубных щетки в стаканчике, два полотенца. На вешалке болтается ночная рубашка, и пенюар стоимость которых исключает любую возможность их покупки студенткой колледжа, даже работающей в магазине электротоваров. У меня есть точно такой же комплект, и я прекрасно знаю, сколько он стоит. На этажерке справа от вас фотографии. Я не сразу поняла, но зацепилась взглядом. Агата на них одна, но ее явно кто-то обнимает. Взгляните на отражение руки в зеркале, снимали похоже, прямо тут, в доме. Прибавьте к этому тот факт, что жертвами «Цирюльника» обычно становятся пары, плюс труп вытащили из воды, и сделал это не наш психопат. Значит, был кто-то еще, и этот кто-то не сумел помочь бедной девушке, а вызвать полицию не хватило духа. – На одном дыхании выпалила она. – И кто, по-вашему, это мог быть? Гляньте, по возрасту, он вполне подходит.

Оливия вздохнула и глазами указала на Гимли Фейта. Кэйд с сомнением посмотрел на него. Они с Оливией пробыли в ванной всего пятнадцать минут, десять из которых ее внимание было поглощено телом Агаты. Когда она успела разглядеть все остальное? Однако нервные подёргивания, сбивчивая речь и потерянный взгляд Гимли Фейта, все го-

ворило в пользу ее теории.

И это стоило проверить. Кэйд начал с фотографий. На них действительно была снята Агата. Симпатичная, с ямочками на щеках и светло-русыми волосами. В основном одна. Он обратил внимание на снимок, о котором упоминала Оливия. На талии девушки покоилась рука мужчины, хотя сам он в кадр не попал, но сложно было сказать, является ли эта рука, рукой Гимли Фейта.

– Так вы спали с Агатой? – еще раз спросила Оливия. – И почему вы не приехали в ту ночь? Или приехали? Что вы нашли? Расскажите. Ваша жена ни о чем не узнает...

Ее голос, ласкающим тембром, напоминающий урчание сытой кошки, такой невероятно низкий, Кэйд бы даже сказал сексуальный, впился в уши. Действие ее голоса, похоже, произвело неизгладимое впечатление на слабую психику Гимли Фейта. Перед ними сидел жалкий, растерянный человек, сгорающий со стыда оттого, что его уличили в любовной связи с покойной, и от того, что он пытался эту самую связь скрыть.

Оливия, видя, что ее слова достигли цели, отвернулась со скучающим видом. Хотя внутренне и торжествовала, не смотря на отвращение к способу, каким добилась этого. Приемы психологического давления на свидетеля, которым ее обучала профессор Иствинк, не без оснований считающая Оливию Блэквуд одной из лучших своих студенток, ей никогда не нравились. Девушка считала, что основу для рас-

следования должны составлять факты, а не пошлые психологические игры, но мысль о том, что Гимли Фейт будет водить полицию за нос, показалась ей вполне веским аргументом. Не вслушиваясь дальше в его сбивчивое бормотание, она круто развернулась и вышла на свежий воздух.

Неожиданно резко похолодало. А ведь еще с утра солнце светило так ярко, обещая чудесный денек. Плотные свинцовые облака прочно нависли над головой, невзирая на все усилия порывистого ветра сдуть их с небосвода. Но Оливии нравилась такая погода. Она наслаждалась запахом влажной земли, цветущего во дворе клевера и скошенной травы, пока рылась в сумочке в поисках сигарет. Табачный дым добавил очарования царившим вокруг ароматам.

Тут внимание Оливии привлек домик соседей. Он стоял почти напротив. Весь чистенький, сверкающий свежевыкрашенной синей оградой и белыми ставнями окон. Одна из занавесок на окне постоянно двигалась, словно за ней расположился кто-то очень любопытный. «Было бы неплохо поболтать с соседями» – пробормотала она себе под нос, легко сбегая по скрипучим ступенькам крыльца.

Оглянувшись через плечо, не следит ли за ней кто-нибудь из детективов, она подождала пару секунд, на всякий случай, а потом перешла дорогу. Дверь распахнулась еще до того, как она успела постучать. На пороге стояла благообразная, сухошавая дама, крайне преклонных лет в светло-розовом пуловере и просторных серых брюках. Ее совершенно седые

волосы, были уложены в старомодную укладку, а в ушах поблескивали красивые, похоже, платиновые серьги с эмалевой вставкой.

– Добрый день. Можно задать вам несколько вопросов? – спросила Оливия, разглядывая пожилую женщину, словно музейный экспонат.

– Входите, милочка. Я-то уж думала, что вы и не зайдете. А так приятно порой перемолвиться словечком с кем-нибудь.

Оливия, пытаясь скрыть улыбку, вошла в узкий, заставленный громоздкой мебелью холл. Выражение радостного ожидания на лице старушки позабавило ее. Пожилые люди часто бывают лишены живого человеческого общения и, им не остается ничего другого, как наблюдать за соседями. В другое время и при других обстоятельствах Оливию это очень раздражало. Особенно когда вездесущие соседские старушки с притворно-сочувствующей и от того еще более гадкой усмешкой сообщали родителям о ее мелких прегрешениях, вроде того, когда она целовалась с Фредди Леонсом, капитаном школьной футбольной команды в маленьком парке, сразу за оградой их дома.

– Меня зовут Оливия Блэквуд. Я помощник детектива Блума. – представилась девушка, когда ее привели на просторную, просто очаровательную кухню, где все сверкало чистотой, и пахло свежей выпечкой.

– Изольда Вейн. – Церемонно представилась дама и про-

тянула ей ухоженную, с элегантным маникюром руку. – Как необычно, что в полиции теперь работают столь очаровательные молодые девушки. Вот в мои годы...

– Давайте лучше поговорим о том, что произошло у ваших соседей, миссис Вейн. – Мягко перебила старушку Оливия. – Что вы можете рассказать о Фейтах? Что они за люди?

На лице Изольды появилось мечтательное выражение.

– Я живу в этом доме... – начала она и тут же спохватилась. – А что же мы стоим?! Присаживайтесь, юная леди. Хотите чаю? У меня есть совершенно замечательные кексы и свежие булочки с корицей.

Двигаясь ловко и быстро для такой пожилой особы, она поставила на стол вазочку с аппетитной на вид выпечкой и чашки с ароматным, дорогим чаем.

– Так вот, милочка. Я живу в этом доме с тех пор, как умер мой супруг, почитай двадцать лет будет, и хозяев у соседского домика сменилось немало, уж поверьте. Но могу сказать, что хуже людей, чем Фейты не встречала.

– Почему? Чем они вам не приглянулись? – спросила Оливия. – На вид вполне приличные люди. Я, правда, не встречалась с миссис Фейт...

– Она издевалась на бедной Агатой. Постоянно к ней придиралась и говорила, что расторгнет договор. Девочка не могла платить им много и Миссис Фейт заставляла ее выполнять всю грязную работу во дворе. Хотя они вполне могут позволить себе содержать садовника.

– Держать прислугу в такой глуши – это расточительство? – подначила старушку Оливия. – А мистер Фейт? Как он вел себя по отношению к Агате?

– По началу он был с ней даже милым. Но... О! здесь я должна открыть вам тайну! – Изольда заговорщицки подмигнула Оливии. – Он совратил бедную девочку. Она рассказала мне. Очень плакала, но ничего не могла поделать. Ей так нужен был этот дом, а мистер Фейт грозился выгнать ее, если она ему откажет. Можете себе представить что-либо подобное?

Оливия промолчала, прекрасно понимая, что никто никого не совращал, и даже не собирался. Агата Милли не выглядела бедной овечкой. Скорее всего, она сама запрыгнула в постель Гимли Фейта. Но для Изольды, воспитанной в духе классического пуританизма, это было выше понимания. Поэтому она воздержалась от комментариев.

– Скажите, миссис Вейн, в ночь с четверга на пятницу, у соседей не происходило ничего интересного?

– Уж не думаете ли вы, что я подглядываю за соседями? – лукаво прищурив глаза, спросила Изольда.

– Что вы! Это было бы крайне неприлично. Но может вы заметили что-то странное, совершенно случайно, конечно.

Изольда, не моргнув глазом, приняла игру.

– М-р Фейт. Он приезжал сюда. Но уехал около половины двенадцатого. И был крайне не любезен. Мне не спалось, и я вышла подышать воздухом. А он сначала вошел в дом, и вы-

бежал пятнадцать минут спустя. Злой, раздраженный. И даже не поздоровался.

– А потом?

– Я пошла спать. Но примерно в половину второго ночи, простите за подробности, встала в туалет. – Изольда смущенно хмыкнула и продолжила – Так вот, кто-то приезжал к Агате.

– Вы уверены, что это не мистер Фейт вернулся?

– Конечно, нет, голубушка. У Гимли темно-серый автомобиль. А у дома стоял белый. Знаете, такой небольшой, похожий на коробочку. Я удивилась, что одинокая девушка принимает гостей в столь поздний час, и решила утром обязательно ей об этом сказать.

– Не сказали?

– Нет, душенька. Когда я, на следующее утро пошла к Агате, дома никого не оказалось. Я подумала, что она уехала на работу или к своим родителям в Энсли.

– На этом все? Вы ничего больше не видели?

– Больше ничего, увы! – Изольда пожалала плечами. – Так жаль бедную девочку. Ее ведь убили?

Оливия подивилась проницательности старой дамы. И вдруг каким-то шестым чувством поняла, что она чего-то недоговаривает.

– Да. Скажите, а номер той машины, которая приезжала ночью вы случайно не видели?

– Видела. – Пожилая дама с достоинством встала и напра-

вилась к высокому буфету. Поискав среди бумаг, она выбрала одну и передала ее девушке. — Я даже записала его, душенька. Правда, не полностью.

— Записали? Но ведь было темно.

— Перед домом Фейтов всегда горит очень яркий фонарь. Я несколько раз говорила им, чтобы они сменили лампочку, очень уж неприятно она светит. Из-за этого я порой не могу уснуть, но миссис Фейт всегда так груба, и совершенно ничего не хочет слушать. А мне...

— Спасибо, миссис Вейн. Вы нам очень помогли. — Решительно прервала ее стенания Оливия. — Мне очень жаль, что я не могу задержаться у вас дольше и послушать ваши рассказы.

— Так вы заходите, как появиться свободная минутка. — Расплылась в улыбке Изольда, крепко сжимая руку Оливии. — Я всегда буду рада компании. А вы, такая милая девушка! Вы ведь еще придете?

Одарив ее самой теплой и широкой улыбкой, на которую только была способна, Оливия с трудом высвободилась из цепких артритных ручек и, стараясь больше не подходить к старушке слишком близко, неопределенно покачала головой. Со стороны ее жест вполне можно было принять за знак согласия, от чего Изольда удовлетворенно вздохнула и, склонив по-птичьи голову на бок, вдруг сказала:

— Мне кажется, что миссис Фейт знала об интрижке мужа с Агатой. Проверьте ее, как это называется, алиби? — Она

подняла вверх палец, словно это доказывало правильность ее предположений.

– Непременно, миссис Вейн. Мы, разумеется, так и сделаем. – Выпалила Оливия, быстренько двигаясь к выходу. Перспектива провести рядом с говорливой старушкой еще часок-другой ее совсем не радовала.

Желая как можно скорее поделиться с Кэйдом новостями, Оливия резво сбежала по ступенькам крыльца. В след ей долетел старчески-надтреснутый голос:

– Душенька! Не забудьте, вы обещали попить со мной чайку. Я многое могу порассказать о здешних обитателях.

«Вот привязалась» – сквозь зубы прошептала Оливия. Она уже и сама была не рада, что пошла к старушке одна. У машины ее ждал Кэйд. Заметив девушку на дорожке у дома, он выразительно постучал пальцем по циферблату наручных часов.

– Ну и где ты была? – раздраженно спросил Кэйд. – Если это называется помощью, то лучше сиди в участке!

– Между прочим, я тут не прохлаждалась! Так для сведения! – недовольно буркнула Оливия. – И пусть кто-нибудь из ваших ребят заглянет к милой даме в доме напротив, и запишет ее показания. Она много интересного поведала.

– Обходом соседей займутся Герти и Сэм. А мы едем обратно в город. Надо запросить записи с дорожных камер и связаться с родными Агаты Милли.

– А что с телом? Уже есть какая-нибудь информация?

Кэйд покачал головой.

– Нет. Хью сказал, что результаты вскрытия будут готовы только завтра.

Они сели в машину. Заводя мотор, Оливия украдкой поглядывала на Кэйда. Он выглядел очень хмурым.

После блестящего выступления Оливии, Гимли Фейт стал предельно откровенным и детально рассказал полицейским о своих взаимоотношениях с жертвой.

Они действительно были любовниками, и в ту ночь он приехал к ней, чтобы по его собственным словам «повеселиться» и даже собирался остаться до утра, но они сильно поругались. Сходя с ума от злости, он долго колесил по округе, а часам к трем ночи, остыв и успокоившись, все же решил поехать обратно, чтобы помириться. Когда Гимли вернулся, Агата уже была мертва. Он вытащил тело из ванны и честно попытался ей помочь. Но быстро понял, что не в силах этого сделать, сильно испугался и уехал. Больше же всего он боялся, что об интрижке узнает жена. Сейчас-то он корил себя за то, что оставил Агату одну, но от всего этого веяло такой фальшью, что сразу становилось понятно – он чрезвычайно рад, что его не оказалось в доме в момент убийства.

Слушая его сбивчивый рассказ, Кэйд с трудом заставлял себя сохранять спокойствие. Гимли Фейт оказался настоящим слизняком, и он очень жалел, что нельзя закрыть этого типа в камере на пару-тройку ночей...

А тут еще Оливия! Кэйд взял ее с собой на место преступ-

ления с одной, конкретной целью – показать, как мало она подходит для такой работы, но все получилось совсем не так, как он планировал. Эта девочка оказалась гораздо крепче и гораздо назойливее. Словом день не задался с самого начала!

– Я тут встретила одну очаровательную даму, – сказала Оливия, когда они отъехали.

– Мне совершенно не интересно, кого вы тут встретили. – Буркнул Кэйд, окинув девушку недовольным взглядом.

– А жаль. Если бы вы уделили достаточно внимания до-сужим сплетникам, вместо того чтобы допрашивать жалко-го «Ловеласа» Фейта, узнали бы много интересного. – Игри-во парировала она. – Например, вы могли бы узнать номер автомобиля, который уехал от этого дома в половине второ-го ночи, или немного позже. Совпадает со временем смерти Агаты Милли, не так ли?

Оливия щелкала зажигалкой, которая никак не желала за-гораться. Не выдержав, Кэйд достал из кармана плоскую зо-лотую зажигалку, которая раньше принадлежала его отцу, и которую всегда носил с собой, и поднес ей огня.

– Спасибо.

– Вы слишком много курите. – Как бы между делом заме-тил он. – И что за чушь вы несли про машину?

– Милая старушка Изольда Вейн благосклонно подели-лась со мной информацией. Знаете, раньше меня безумно раздражали любопытные соседи. Особенно когда они, изоб-

ражая сочувствие, сообщали моим родителям, что я по ночам вылезаю через окно, возвращаюсь домой только под утро или кто разбил три фонаря на нашей улице.

– И часто ты такое делала?

– Ну, было пару раз, – улыбнулась Оливия. – Подумаешь. Изольда Вэйн записала номер автомобиля. Правда, только часть, но это уже хоть что-то.

– Не могу в это поверить! Ты уверена, что она сказала правду? – Кэйд недоверчиво покачал головой. – Некоторые люди очень любят фантазировать, и им нравится внимание.

– О! безусловно! Этой старой перечнице очень нравится внимание. Но едва ли она лгала. – Саркастически усмехнулась девушка.

– Мы все проверим. – Сухо кивнул он. – Но если это правда...

– Я везучая! Что тут скажешь!

Пока Кэйд разговаривал по телефону с кем-то из помощников, у Оливии нашлось немного времени, чтобы все обдумать. Вряд ли существовала реальная возможность найти автомобиль. Да и если они его и найдут... «Цирюльник» за все это время не показал себя дураком. Ни следов, ни отпечатков, ничего...

И все же, где-то в глубине души она знала, что рано или поздно психопат совершит свою роковую ошибку. Без этой уверенности продолжать погоню за ним было бессмысленно.

Глава 6

Настойчивый и резкий звон будильника прорвался сквозь пелену сна, оставив от него только жалкие лохмотья. Оливия поморщилась и попыталась глубже зарыться в подушки. Когда это ей не удалось, она со стоном села на широкой кровати. Сквозь яркие пятна радужных занавесок в комнату проглядывали косые лучи солнца. Дождь кончился еще перед самым рассветом, и редкие облака неслись по лазурному небу, то сливались в причудливые фигуры, то исчезали совсем, превращаясь в легкую, едва заметную дымку.

Оливия мрачным взглядом окинула свою спальню. Большая кровать, с пологом цвета шампанского, в духе старинных версальских опочивален, толстый ковер на полу, оттенка хорошего вина с неаккуратными вкраплениями «морковных» пятен, светлые стены, на которых в хаотичном порядке развешаны черно-белые и цветные фотографии. Она их сделала, в то время, когда серьезно увлеклась фотографией. Но увлечение ее быстро угасло, как и многие до этого. За широким во всю стену зеркалом скрывались гардеробная и ванна, где стояло нелепо-большое джакузи с хромированными кранами и полочки забитые косметикой и парфюмерией. Яркие, занавески с геометрическим узором из ромбов, квадратов и треугольников смотрелись нелепо, но приносили в интерьер что-то своеобразное. Девушка еще раз непри-

язненным взглядом окинула свою спальню. Раньше ей нравилось жить в состоянии легкого беспорядка, особенно когда в остальных комнатах дома царила безупречная чистота и тишина (кроме детской Джинни, разумеется), но сейчас это стало ее раздражать. «Похоже, я начала приходить в себя» – подумала она, дергая за шелковый шнур, висящий у изголовья.

Минут через пять в дверях появилась женщина в красивом темно-синем платье из мягкого кашемира, с белым фартуком. Ее поседевшие волосы были собраны сзади в аккуратный узел, на носу сидели очки в элегантной оправе. Она вошла и тепло улыбнулась сидящей на кровати девушке. Анна. Экономка, горничная, няня и просто добрый друг. Невысокая, изящная уроженка северной Венеции, чьи родители перебрались в штаты задолго до ее рождения в поисках лучшей доли. Она появилась в доме, когда Оливии исполнилось шесть лет и, с тех пор исправно служила семейству Блэквуд.

Олив с самого детства привыкла поверять Анне свои тайны, делиться с ней планами, которые привели бы в ужас родителей. А Аннет, в свою очередь, как могла, старалась уберечь свою безрассудную и вспыльчивую подопечную от многих бед, выступая скорее в роли старшей подруги, нежели наставницы.

– Думается мне, ты слишком рано проснулась. – Анна нежно коснулась щеки Оливии и раздвинула занавески.

– У меня есть дела. Джеймс уже встал?

Девушка поспешила перевести разговор на брата, не желая ничего говорить экономке о своих делах. Ее сотрудничество с детективом Блумом, вряд ли придется по душе Анне. К тому же девушке не хотелось беречь раны, которые только начали затягиваться. Она лучше других знала, как тяжело было Аннет пережить их трагедию. Пожилая итальянка была лучшей подругой ее матери, почти сестрой и она души не чаяла в Джинни. «Как и все мы» – с грустью добавила про себя Оливия. Именно поэтому они с Джеем приняли решение дать своей воспитательнице отпуск на три месяца и отправить в путешествие на родину. Вернулась она отдохнувшей, и куда более спокойной.

– Твой брат рано поднимается. Завтракал, когда ты позвонила. Тебе принести что-нибудь?

– Нет. Спасибо Аннет. – Оливия поморщилась при мысли о еде. Не стоило ей вчера столько пить. – Будь добра, я хочу переделать спальню, поэтому на какое-то время передвину жить в квартиру. Там надо навести порядок. Найми кого-нибудь.

На лице экономки появилось воинственное выражение. Как всегда в те минуты, когда в голову Оливии приходила какая-нибудь не слишком удачная идея.

– Что это ты придумала? Зачем тебе переезжать, если в доме полно комнат?

– Так надо.

Оливия усилием воли отогнала тошноту, подкатившую

к горлу, и постаралась не обращать внимания на гул в голове, хотя чувство было такое, словно там поселилась целая бригада рабочих с самыми примитивными орудиями труда. Встав с кровати, она направилась в ванну и открыла кран на полную мощь. Упругая струя воды забила в раковину.

– Аннет, будь другом, свари кофе.

Зеркало отразило дивную картину следов ее вчерашнего разгула. Оливия уехала из участка часов в девять вечера и напрямик направилась в бар на окраине Бэй-Гроув, где провела несколько часов, куря одну сигарету за другой и глотая, самый дорогой из представленных в этой забегаловке, крепкий псевдошотландский виски, чтобы снять напряжение.

Если твоя семья занимается ресторанным бизнесом на протяжении многих лет, весьма сложно отыскать такое место, где тебя не узнают. Поэтому дешевая, маленькая забегаловка с несколькими столиками и соответствующим контингентом, стала для Оливии настоящим спасением. Особенно после смерти родителей. Никто не знал ее, она никого не знала, и можно было не беспокоиться, что твоя личная жизнь станет достоянием общественности.

Резкий звонок телефона оторвал Оливию от созерцания своей помятой физиономии. Чертыхнувшись, девушка наскоро обтерла лицо жестким полотенцем и взяла трубку.

– Мы нашли машину! – ворвался в уши голос Кэйда. – Я подумал, тебе будет интересно.

Не смотря на его напряженный и отрывистый тон, Оливия ощутила сладкое чувство победы. Как-никак Кэйд сам позвонил ей, чтобы сообщить новости.

– Куда ехать? – коротко спросила она.

Адрес пришлось писать на салфетке косметическим карандашом. Мельком глянув на часы Оливия, буркнула в трубку:

– Буду минут через двадцать.

Окинув критическим взором вешалки в шкафу, девушка остановила выбор на простых джинсах и ярко-синей блузке с узким, стоячим воротничком и вышитым на ней желто-красным драконом. Крикнув Анне, что кофе отменяется, она бегом кинулась в гараж, где ее поджидала неприятность. Датчик бензина в Мустанге прочно осел на нуле. Пришлось взять машину брата – огромный, блестяще-черный Шевроле. Заводя мотор, Оливия ухмыльнулась, представив, как будет ругаться Джей. Он с трепетом относился к своему автомобилю, крайне неохотно передавая руль в чужие руки, но не могла же она ехать на такси.

Кэйд методично, со знанием дела осматривал белый Форд-Темпо 94-го года выпуска, стоящий на стоянке большого супермаркета в Бельвю. С пяти часов утра он и его ребята обследовали все автомобили, номер которых начинался с 65 и которые попадали под описание, данное любопытной, говорливой старушкой Изольдой Вейн. Автомобиль на этой стоянке был пятым по счету.

Ничего примечательного в салоне не имелось, кроме нескольких оберток от готовой китайской еды, бутылки содовой и обычного хлама, которые возит с собой любой автомобилист. А вот в багажнике нашлись пятна, сильно похожие на кровь.

– Доброе утро! – долетел до Кэйда мелодичный голосок.

Он поморщился, прекрасно зная, кому он принадлежит. А он-то дурак надеялся, что успеет осмотреть автомобиль до приезда Оливии. Ведь позвонил ей даже позже, чем криминалистам. И вот она здесь. Из салона форда Кэйд великолепно слышал, как она непринужденно перебросилась шуткой с Герти и заливисто рассмеялась, на какую-то весьма среднего качества остроуту, отпущенную Сэмом. Откуда его парни нахватались черного, казарменного юмора он мог еще понять. Все-таки в полиции не первый год служат. Но несколько крепких фраз, сорвавшихся с губ этой очаровательной, рыжеволосой бестии вызвали у него искреннее изумление.

– Похоже, ее угнали специально, а потом бросили здесь. – Оливия с видом профессионала окинула взглядом автомобиль. – Стоянка здесь тихая, камер нет. Да, он подготовился. Видимо знал, что мы непременно найдем автомобиль.

– Я тоже так думаю. – Кивнул Кэйд. – Скоро будем знать больше, я отправил запрос в участок.

– Криминалисты смотрели?

Кэйд отрицательно покачал головой.

– Еще нет. Ждем их с минуты на минуту. Только, я не уверен, что они хоть что-нибудь найдут.

Оливия, натянула перчатки и заглянула в салон. Там странно пахло. Чем-то непонятным, но очень знакомым. На коврике у водительского места валялся кусочек полиэтилена, из пепельницы торчали окурки. Еще раз, втянув носом воздух, девушка отошла к багажнику, где стоял Кэйд.

– Ты прав, криминалисты ничего не найдут. Он застелил сиденье пленкой. И, скорее всего, окурки в пепельнице принадлежат кому-нибудь, но точно не «Цирюльнику». Кстати, никто не заметил, чем так странно пахнет в салоне? Не могу определить, но запах очень знакомый.

Кэйд даже не стал удивляться словам Оливии. Он прекрасно помнил, сколько времени ей хватило вчера, чтобы разоблачить неудачливого любовника Агаты Милли и тоже считал, что автомобиль бросили специально. Однако проверить все возможные варианты было необходимо. Не хотелось бы найти еще одно обезображенное тело.

– Это табак. Сорта «Шерри».

– Точно! – воскликнула Оливия. – Мой отец тоже курил трубку. У него в кабинете стояла целая консоль с трубками и банками с табаком.

– Как только криминалисты закончат, отвезете машину к нам на стоянку! Распорядился Кэйд, попутно набирая номер Хью. Пронырливому патологоанатому вполне должно было хватить времени, чтобы разобраться с телом бедняжки

Агаты.

В морг детектив Блум и Оливия приехали почти к полудню. Хью провел их в прозекторскую, где под белой простыней лежал труп.

– Ну что могу сказать? Это работа «Цирюльника» без сомнения. Странгуляционная борозда на шее от рыболовной лески, волокна совпали. Линии прочерчены опасной бритвой, больше никаких следов нет.

– Как он это делает? Почему они не сопротивляются? – спросила Оливия, которую этот вопрос мучил уже давно. – Он, что просто подходит к жертве, накидывает петлю и ждет, пока она задохнется?

– Не исключено, – сказал Кэйд.

– Все равно не понимаю. Ведь никаких наркотиков в крови нет?

Мужчины промолчали. Первое что сделали полицейские, это отправили кровь жертв на анализ и не нашли ничего.

Оливия откинула простыню, укрывавшую тело.

– Интересно, а прежде чем взяться за бритву, он делает набросок? Сложно с такой точностью вырисовывать линии. В порезах нет чернил или краски?

– Хм. Краски, говорите? – оживился Хью. – Я, по правде сказать, об этом не думал. Он ведь сбрасывает тела в воду и обычно следов не остается. Но эта девочка пролежала в воде меньше остальных, так что да, я могу попробовать поискать.

– И что нам это даст? – с раздражением спросил Кэйд, раздосадованный, что сам не подумал об этом. – Даже если удастся определить тип краски...

– С каких это пор ты отказываешь от дополнительных исследований. – Безмерно удивился Хью. – Обычно это ты меня уговариваешь проводить тесты, за которые мне потом приходится отчитываться и заполнять целую кучу бумажек.

– Его просто бесит, что я об этом подумала, а он нет. – С неприятным смешком сказала Оливия.

– Не говори глупостей! – окончательно разозлился Кэйд. Ему было неловко оттого, что Оливия так точно угадала его мысли. Он посмотрел на Хью. – Делай все анализы, какие потребуются. Что-нибудь еще есть?

– Нет. Я обследовал тело этой девочки буквально под микроскопом. Пара старых переломов, воды в легких нет, судя по содержимому желудка, незадолго до смерти она выпила пару бокалов вина, съела сандвич и что-то сладкое, вроде мороженого, но результат пока не определен. Все. Ни уколов, ни синяков, ничего.

Как и в прошлый раз.

Глава 7

В участке, не смотря на самый разгар рабочего дня, было тихо. Оливия сидела за столом, и уже в сотый раз перечитывала дело, пытаясь найти что-то общее между жертвами «Цирюльника». Она интуитивно чувствовала, что есть какая-то ниточка, связывающая всех этих людей. Только они ее еще не нашли.

Кэйд смотрел на старания Оливии скептически, с улыбкой. Особенно в те моменты, когда она, бормоча что-то под нос, наклонялась над очередной фотографией с лупой в руках. Он не стал говорить ей, что эксперты уже прогнали данные через программу федеральной службы, в поисках соответствий. И это ничего не дало. Но ее энтузиазм ему нравился. Кэйд на пути встречалось не так много людей, особенно молоденьких девушек, способных полностью отдаться столь серьезному и скучному делу, и это привлекало его в Оливии Блэквуд.

– Не надоело еще? – спросил детектив, наливая себе кофе. – Уже целый час сидишь.

– Нет, не надоело. Мог бы и мне сделать кофе. – Огрызнулась Оливия. – Раз все равно нечем заняться.

Девушка отложила снимки в сторону и потянулась. Кажется, и правда пора сделать передышку.

– Поехали, перекусим, – сказала она Кэйду, глянув на ча-

сы. – Знаю тут неподалеку одно хорошее местечко.

Он пожал плечами. Сидеть в участке все равно не имело смысла. Пока эксперты не разберутся с машиной, дело с мертвой точки не сдвинется.

Вывеску одной из кофеен «Блэкфилд» детектив Блум заметил еще издали, как только они повернули с Север-Хейн на Ист-Сервантес стрит. Действительно, куда же еще могла отправиться его молоденькая спутница, как ни в одно из заведений, принадлежащих ее семье.

Посетителей оказалось не много. Оливия решительным шагом прошла к самому дальнему столику, с маленькой золоченой табличкой «зарезервировано». На противоположной стене была сделана надпись, украшенная резными завитушками «Наша история началась здесь. Ваша начнется тоже».

– Это первое кафе, которое открыл ваш отец? – не удержался Кэйд.

Олив улыбнулась.

– Первое кафе всего с четырьмя столиками и стеклянной витриной-холодильником располагалось в маленьком подвальчике недалеко от Энсли. Когда дела пошли в гору, папа решил, что пора перебраться поближе к центру. А надпись сделали пару лет назад. Так советовали рекламщики.

Из глубины зала вышла симпатичная шатенка в элегантном сером костюме с ярко-синей блузкой. Ухоженными руками с аккуратными ноготками того же блестящего синего

цвета, она держала большую папку. Когда она подошла, Кэйд уловил легкий запах ванили и шоколада.

– Мисс Блэквуд. – девушка встала рядом со стулом Оливии и застыла, в ожидании указаний, как верный паж.

– Все нормально, Кейси. Можешь перестать изображать из себя первого камергера двора. Это детектив Блум. Как идут дела? Что-нибудь случилось?

Девушка улыбнулась Кэйду, от чего ее лицо стало особенно милым, и открыла папку.

– Менеджер из отдела поставок хотел срочно с тобой поговорить, у него опять какие-то проблемы с Милкис-бэй. Еще звонил м-р Биффит, по поводу свадебного банкета в пятницу и Мел Лесси сегодня не вышла на работу, уже в четвертый раз.

На лицо Оливии набежала тень. «И почему на меня вечно сваливаются неприятности» – подумала она, нахмутив красивые темные брови.

– Кейси. Свяжись с Биффитом, скажи: все в силе, и что мы решили заменить скатерти и салфетки. Старые не вписываются в ту цветовую гамму, которую они выбрали. Позвони Доннели, уточни на счет башни сладостей для банкета. Не хочется опозориться, как в прошлый раз.

– Сделаю. А что с Милкис-бэй?

– А что с ними? – пожала плечами девушка. – Скажи этому идиоту, что в Пенсаколе больше десяти тысяч безработных, и я легко найду ему замену, если он не справляется

со своими обязанностями. – В голосе Оливии появились резкие, начальственные нотки. – Пусть научится думать головой, а не тем местом, на котором сидит. Еще один подобный казус, и он будет искать новую работу!

– Есть! босс! – Кейси забавно округлила глаза и отсалютовала ей папкой. – Все сделаю, не переживай!

– Спасибо. И вообще, хватит приставать ко мне! Марш на рабочее место, лентяйка! – в притворном гневе воскликнула Оливия.

– Все-все, уйду! – замахала руками помощница. – Приятного аппетита.

Когда Кейси ушла, Оливия перевела дух и раскрыла меню. Ее глаза заскользили по строчкам. На лице поселилось забавное выражение, как у маленькой девочки, перед огромной витриной с мягкими игрушками. Кэйд снова поймал себя на мысли, что пытается угадать ее выбор. Как и тогда, при их первой встрече. Только теперь он знал о ней немного больше. Заказ принес молоденький, краснощекий официант. Судя по лихорадочным красным пятнам на его лице, он просто до ужаса боялся не угодить хозяйке и от этого становился еще более неуклюжим. Когда он ушел, Оливия не смогла сдержать виноватый смешок.

– Извини. – Сказала она. – Не стоило здесь обедать. Все никак не могу привыкнуть, что бизнес отца теперь на мне. Кэйд уловил нотку грусти в ее голосе.

– А как же твой брат? Насколько я знаю, он старше тебя?

– Джей адвокат по разводам. Он считает пирожные и кофе, чем-то совершенно не серьезным. У него своих дел по горло и он почему-то думает, что мне больше нечем себя занять.

Уютная обстановка и сама атмосфера кофейни действовала расслабляюще. Не зря сеть «Блэкфилд» пользовалась такой популярностью в Пенсаколе и его пригородах. Умопомрачительный аромат свежесваренного кофе, которого в меню насчитывалось не меньше тридцати видов, выпечка, десерты на любой вкус, холодные и горячие закуски...

Впервые с тех пор, как Кэйд получил дело «Цирюльника» он смог хоть немного отвлечься. Оливия оказалась приятной собеседницей, чего он признаться, никак не ожидал, потому что до сих пор не избавился от избитого понятия, что красота и ум вещи не совместимые. И еще, здесь, в спокойной, почти домашней обстановке, она совсем не была похожа на ту девушку, которая с абсолютным спокойствием рассказывала ему о гибели членов своей семьи, и осматривала труп. Перед ним как будто сидел совсем другой человек. Звонок телефона отвлек Кэйда от приятных размышлений. Надо было возвращаться к работе. Он встал.

Из дальнего конца зала к ним снова вышла помощница Оливии и, судя по ее лицу, сказать она хотела нечто крайне неприятное.

– Лив! Только что звонил твой брат.

– Надеюсь, ты ему не сказала, что я здесь? – Оливия

немного испуганно посмотрела на Кейси.

– Нет. И думаю мне лучше не повторять, что он сказал. – Смущенно пробормотала девушка. – Да, надо кого-то взять на место Мел. Другие девочки не могут постоянно ее прикрывать.

– Разберись с этим сама. В моем ежедневнике есть номер телефона кадрового агентства, где папа обычно набирал персонал. Думаю, они помогут найти замену Мел. Я, как видишь, немного занята сейчас. Будет звонить Джей, ты меня не видела и не знаешь где я.

Кейси кивнула. С тех пор, как Оливии пришлось в голову влезть в полицейское расследование, она знала, что теперь ей придется часто подменять ее на работе. Для нее это не было новостью. Но только сегодня она впервые заметила, что в облике подруги появилось нечто новое, то чего раньше не было. Какая-то затаенная жесткость, злость, которая прорывалась наружу язвительными замечаниями и этот холодный, даже ледяной взгляд... неприятно. «Меня это не касается!» – сказала сама себе Кейси. Глубоко вздохнув, она постаралась выбросить из головы тревожные мысли и вернулась к работе.

По возвращении в участок Кэйда ждали хорошие новости. Эксперты установили, кому принадлежат окурки из автомобиля, найденного на стоянке торгового центра. Найджел Стокли. Ранее судимый за разбой, нападение на представителей власти, сопротивление аресту и домашнее насилие. Ре-

бятя уже отправились на задержание, и теперь оставалось только ждать. Пока его не привезли, Оливия успела просмотреть досье Найджела и не нашла ничего, что бы свидетельствовало о его причастности к убийствам. Ей как-то не верилось, что психопат, ни разу не совершивший ошибки, оказался столь беспечен и оставил улики в брошенном автомобиле. Скорее всего, очередной след, окажется пустышкой. И она сказала детективу, что на самом деле думает.

– В этом и состоит работа настоящего детектива, – усмехнулся Кэйд. – Нельзя игнорировать ни один из возможных вариантов. Этого парня судили за насилие в семье и разбой.

– «Цирюльник» просто играет с нами! За все это время он не показался мне дураком. Вот только зачем ему подставлять этого парня? Какой в этом смысл? Не понимаю! – воскликнула Оливия.

Кэйд едва удержался от улыбки. Страстность, прозвучавшая в ее голосе, напомнила ему о тех временах, когда он только попал в отдел. Каким же наивным он был тогда! Теперь все изменилось. Однако где-то в глубине души, детектив Блум понимал правоту этой рыжеволосой девчонки с аквамариновыми глазами. Он тоже не верил, что Найджел Стокли тот, кого они ищут. Но он мог быть связан с «Цирюльником».

«Детектив Блум!» – раздалось за спиной, и Кэйд обернулся. Из кабинета капитана Ровиго вышла Нэнси. А он и не знал, что она приехала в город. Даже не надеялся на это.

Они не виделись с тех самых пор, как Нэнси перевелась работать в Куантико, в отдел анализа поведения. Отработав там несколько лет, она переехала сначала в Вашингтон, а потом и в Нью-Йорк, где возглавила целый отдел. И вот она здесь...

– Нэнси! Рад тебя видеть!

Она улыбнулась ему, чуть наморщив, свой маленький, немного вздернутый носик. Кэйд помнил эту ее улыбку и то, как она наклоняет голову, когда задумывается, и против воли ощутил легкую грусть. Жаль, что их роман так закончился. Нэнси была одной из тех немногих женщин, кто понимал его, и она по собственному опыту знала, насколько тяжела работа полицейского. Он пригляделся к ней повнимательнее. Она изменилась. Волосы стали еще светлее, и короче, появился какой-то особый лоск, он бы даже сказал манерность. Одета модно и дорого, явно ходит в тренажерный зал и посещает косметолога. И странным образом, портрет Нэнси, хранившийся в его памяти, портрет той девушки, которую он когда-то знал, и даже думал что любит, растворился.

Он увидел просто красивую, ухоженную женщину в элегантном деловом костюме и больше ничего.

– Когда ты мне позвонил и сказал, что тебе нужна моя помощь, я признаюсь честно, даже обрадовалась. Дел у меня в Нью-Йорке пока нет, поэтому я подумала, что пригожусь тебе здесь. – Проворковала Нэнси, низким, хриловатым го-

лосом.

– Ты же знаешь, я всегда рад тебя видеть. Когда ты приехала?

– Сегодня утром. И...

Нэнси запнулась и уставилась своими большими глазами на Оливию. Промелькнувшее в них удивление, позабавило Кэйда. Она стояла у стенда с фотографиями, с лупой в руке и занималась тем, что опять разглядывала каждый снимок.

– Кто это? – спросила Нэнси чуть холодноватым, совсем не свойственным ей тоном.

– Она помогает нам в этом деле. – Кэйду почему-то не хотелось упоминать, что Оливия была одной из потерпевших. – Пойдем, я вас представлю.

Оливия видела боковым зрением, как детектив разговаривает с кем-то, но не придавала этому значения. Сейчас ее гораздо больше занимали снимки с мест преступления.

– Мисс Блэквуд. – Кэйд тронул ее за плечо. – Хочу представить вам Нэнси Бит.

Она повернула голову и натолкнулась на ледяной, надменный взгляд темно-карих глаз. Такого просто не могло быть! Оливия отшатнулась, словно перед ней была гремучая змея.

– Нанни? Какого черта, ты здесь делаешь? – спросила она, почти не владея собой.

– Хотела спросить тебя о том же, Олли! – сквозь зубы процедила Нэнси.

Они уставились друг на друга. Оливия вспомнила безоб-

разную сцену в кабинете отца. Нанни выглядела тогда шикарно, в ярко-красном платье, подол которого обрывался чуть пониже спины. Она сидела, широко раздвинув ноги, так чтобы были видны прозрачные трусики, и улыбалась своей гадкой улыбкой. А как на нее смотрел отец! Этот его взгляд невозможно забыть. Оливию передернуло от отвращения. Мерзкая дрянь, которой заплатили, чтобы она разрушила их семью. Слава богу, мать так и не узнала об этом. И она, Оливия была первой, кто об этом позаботился. Позже, почти перед самой гибелью родителей, она узнала, кем была задумана вся афера. Ее собственный дед, отец ее матери. Он ненавидел Колина, не простил ему бегства Лориты и хотел, во что бы то ни стало разрушить его жизнь. Оливия терпеть не могла этого человека и от всей души желала ему всего плохого. Ему и его молодой любовнице, которая стояла сейчас перед ней.

– Дрянь! – словно дикая кошка зашипела Оливия, накидываясь на Нэнси – Грязная, мерзкая потаскушка! Давно надо было расцарапать твое лживое личико!

Она отвесила молодой женщине звонкую пощечину, прежде чем Кэйд успел ее остановить. Справиться с хрупкой девушкой, в руках которой появилась просто нечеловеческая сила, оказалось неожиданно сложно. Обхватив Оливию сзади, он потащил ее вон из участка и буквально засунул в припаркованный у входа, Шевроле. Хлопнув дверью, Кэйд обошел автомобиль с другой стороны и сел на водительское

сиденье.

– Выпусти меня сейчас же! – бесилась Оливия. – Ты не имеешь права держать меня здесь!

– Успокойся, немедленно! – строго прикрикнул на нее Кэйд. – Зачем ты ударила Нэнси? Ты с ума сошла?

Оливия отвернулась. Она чувствовала, что если посмотрит ему в глаза, то разрыдается, не сможет больше сдерживаться. Она так старательно возводила вокруг себя стену, чтобы найти силы не чувствовать боли. И вот все грозило рухнуть. Девушка глубоко задышала, пытаясь унять нервную дрожь. Она понимала, что не может позволить себе сейчас уйти, как бы ей этого не хотелось. Она ненавидела Нэнси, но желание найти и наказать убийцу родителей оказалось сильнее даже этой ненависти. Никто и ничто не помешает ей!

Оливия повернулась к Кэйду.

– Это произошло лет пять, может шесть назад. Как-то раз я пришла к отцу на работу. – Вдруг совершенно спокойным голосом сказала она. – Обычно мы созванивались, но в тот день у меня сломалась машина, совсем недалеко от «Блэк» и я решила прогуляться пешком. Время приближалось к обеду, поэтому я прошла на кухню и попросила принести еду в кабинет. Мы часто с ним обедали вдвоем. Когда я зашла туда...

Оливия замолчала. Перед глазами опять встала Нэнси в том красном платье и отец, стоящий рядом. Усилием воли она отогнала воспоминание.

– Нанни сидела на краю стола, фальшиво хлопая глазками. А папа стоял рядом. Мне казалось еще мгновение, и он накинется на нее, совершенно не думая о том, что дверь не заперта.

– А ты не могла ошибиться? – тихо спросил Кэйд. – Вдруг все было не так?

Ему не хотелось верить в то, что Нэнси обманывала его. Они тогда были вместе, и он подумывал предложить ей венчальное кольцо. Их отношения расстроились в основном из-за ее переезда в Куантико. «Пойми, такой шанс выпадает всего раз в жизни» – сказала тогда Нэнси. Но Оливия об этом, естественно не знала, и не должна была узнать.

– Все именно так, как я говорю! – отрезала девушка. – И все было подстроено. Только вместо меня в кабинет должна была зайти мама. Она бы не простила отцу измены.

– Но причем здесь Нэнси? Хочешь сказать, она все подстроила, чтобы выйти замуж за твоего отца?

Смех Оливии прозвучал грубо и невесело.

– Если бы... – с горечью вздохнула она. – Я могла бы понять ее, если бы она вдруг влюбилась в моего отца и решила во что бы, то ни стало заставить его уйти из семьи и жениться на ней. Но то, что она собралась сделать, куда хуже. Нэнси любовница Деррека Мэна. Он заплатил ей, чтобы подставить моего отца. Разрушить нашу семью!

– Мне кажется, ты драматизируешь. – Спокойно заметил Кэйд.

Ему вовсе не хотелось, чтобы Оливия догадалась, о чем он сейчас думает. Если она сказала правду, то все чувства Нэнси к нему одна сплошная ложь.

– Я знаю, о чем говорю! – угрюмо отозвалась Оливия, щелкнув зажигалкой.

Весь ее боевой пыл улетучился, и теперь она чувствовала себя ужасно уставшей и разбитой. Неожиданное появление этой женщины вызвало множество воспоминаний, которые она так отчаянно хотела забыть.

В стекло постучали. Ребята задержали Найджела Стокли на центральном вокзале и привезли его в участок. Он пытался уехать из города с маленькой спортивной сумкой, набитой наличными.

– Попросить кого-нибудь, чтобы отвезли тебя домой? – Кэйд посмотрел на Оливию.

– Нет. – Словно через силу сказала она. – Я в порядке. Надо допросить Стокли. Я не верю, что он и есть «Цирюльник», но вдруг он знает что-нибудь. Невинный человек, не будет пытаться удрать с полной сумкой наличности.

С сомнением покачал головой, Кэйд все же не стал препятствовать тому, чтобы она вернулась в участок. Кто знает, может Оливия все же окажется полезной – подумал он.

Найджел Стокли произвел на Кэйда самое неприятное впечатление. Неопрятного вида мужчина, с клочкастой растительностью на лице и маленькими бегающими глазками. Одет он был в потрепанные синие джинсы, серую ветровку

и замызганную футболку с пошлой картинкой. Когда Кэйд вошел в комнату для допросов, Найджел сидел, развалившись на жестком стуле, презрительно поглядывая в зеркало. Скорее всего, он знал, что за зеркальным стеклом стоят люди и смотрят на него.

– А, детектив! – Стокли ухмыльнулся. – Долго мне еще тут сидеть? Я же сказал, что ни в чем не виноват. Подумаешь, стащил билет у того дурака на вокзале.

Кэйд сел, положив на стол отчет криминалистов.

– Не паясничай, Найджел! – строго сказал он. – Ты даже не понимаешь куда вляпался. Как твои отпечатки оказались в машине, которую видели на месте преступления?

– Это вы о чем? – Стокли казалось, удивился.

– О том, – Кэйд подтолкнул к нему отчет из лаборатории. – Интересно, что ты об этом скажешь? У нас уже восемь трупов, которые не на кого повесить, и есть ты с уголовным прошлым, сомнительной репутацией и, наверняка без алиби.

Найджел наклонил голову и впился глазами в листок. Оливии, стоящей по ту сторону стекла захотелось впихнуть этот лист ему в глотку.

– Эй! стоп-стоп! я ничего об этом не знаю! – замахал он руками.

– А если подумать?

– Ну, может меня попросили перегнать одну тачку. – Он вызывающе и вместе с тем испуганно посмотрел на детектива. – Я перегнал и оставил на стоянке. Все!

– Кто просил? Я, что должен из тебя все клещами вытаскивать? – разозлился Кэйд. – Либо говори, либо отправишься в камеру, и завтра утром тебе предъявят обвинение в убийстве. – Грозно пообещал он.

Кажется, только теперь до Стокли дошло. Его, скованные наручниками руки мелко затряслись.

– Я никого не убивал. – Жалобно протянул он. – Ко мне в баре подошел один парень, хорошо заплатил и попросил перевезти машину из поселка на стоянку супермаркета. Ключи он оставил в зажигании и велел, после того как я все сделаю, уехать из города на пару дней.

– Описать парня сможешь?

– Лет тридцать, может тридцать пять. Волосы темные, высокий и следит за собой. В дорогих шмотках, сразу видно, что сынок богатеньких родителей. Вот я и подумал, почему бы не подзаработать?

– А больше не о чем ты не думал? Например, о том, что тачка, наверняка краденая?

– Да мне, знаете как-то без разницы, краденая она или нет. – Пожал плечами Найджел. – Мне заплатили хорошо!

Едва сдержав рвущиеся наружу ругательства, Кэйд хлопнул папку и встал.

– Парни, закончите тут сами? – устало кивнул он Сэму. – И в камеру его. Пусть посидит и подумает над своим поведением.

Стоящая по ту сторону толстого стекла, Оливия не скры-

вала своего разочарования. Даже зная, что Найджел Стокли пустышка, она все равно расстроилась. Одно радовало, что следующую ночь этот тупоголовый слизняк проведет за решеткой.

Глава 8

Когда Оливия на следующее утро приехала в участок, Нэнси уже была там. Сидела за столом и внимательно изучала снимки с мест преступления, слегка потряхивая ногой от нетерпения. Слева от нее выстроилась целая батарея пустых стаканчиков из-под кофе, а рядом лежал большой лист с пометками.

– Доброе утро. – Поздоровалась Оливия, стараясь сохранять внешнее спокойствие, хотя на самом деле с удовольствием окунула бы психолога в бак с нечистотами.

Она много думала прошедшей ночью и пришла к выводу, что пора на время забыть о ненависти к Нэнси Бит. Ее чувства к этой женщине не должны помешать работе. Ради удовольствия увидеть «Цирюльника» на электрическом стуле, она даже была готова принять ее помощь.

– Олли! Не могу сказать, что я рада тебя видеть. После вчерашнего. – Нэнси сверкнула глазами.

– Признаю. С моей стороны это была совершенно детская выходка. – Сказала Оливия, одарив молодую женщину самой обаятельной из своих улыбок. – Но нам теперь придется вместе работать. Поэтому предлагаю на время зарыть топор войны. Наши с тобой отношения не касаются дела.

Нэнси задумалась. Было видно, что она ни на минуту не поверила словам Оливии, однако приходилось признать,

что в ее предложении есть рациональное зерно. Деррек Мэн в свое время помог Нэнси перебраться в Нью-Йорк, но славу отличного психолога-криминалиста она заработала сама. Если бы не ее талант, никакие деньги Деррека не смогли бы помочь. Она так и осталась бы просто еще одним посредственным специалистом, пополнив собой ряды обыкновенных неудачников.

– Неужели ты успела за ночь так повзрослеть, Олли? – усмехнулась Нэнси, умышленно придав своему голосу легчайший оттенок издевки.

Как она и рассчитывала, Оливия моментально вспыхнула, но это длилось всего миг. Усилием воли девушка смогла подавить раздражение.

– Если бы не определенные обстоятельства, столкнувшие нас с тобой здесь, Нанни, то будь уверенна, я бы уже оторвала тебе голову! – с расстановкой произнесла Оливия, глядя прямо в темно-карие глаза Нэнси, от чего та сразу почувствовала себя неуютно.

Во взгляде Оливии мелькала просто ледяная ярость.

– Но сейчас я не могу себе этого позволить. Я ненавижу тебя и твоего любовника, скрывать это было бы глупо. Но гораздо больше я хочу найти убийцу моих родителей и малышки Джинни. Поэтому выбор за тобой, Нанни. Остаться здесь и помочь Кэйдю, мне и всем тем, кто пострадал от рук этого психопата или, трусливо поджав хвост, сбежать обратно в Нью-Йорк.

Оливия замолчала, прекрасно сознавая, что подтолкнула противника к самому краю пропасти. В таком свете дело прияло совершенно иной оборот. Уйди Нэнси сейчас и дело «Цирюльника» ляжет отвратительно-грязным пятном на ее репутации. Логический, четкий ум психолога-криминалиста прекрасно это осознавал. Мельком представив все то, чем обернется ее отказ от дела, Нэнси поежилась. Бросить работу из-за претензий вздорной девчонки, означало проявить свою несостоятельность. Это решило дело.

– Хорошо, – протянула Нэнси. – Я согласна забыть о наших с тобой разногласиях, тем более что не я это все начала.

– Но и не я, прошу заметить. – Оливия придвинула стул и села. – Тебе удалось что-нибудь раскопать?

Неприятный разговор с Нэнси уже перестал занимать ее мысли. Теперь все ее сознание было поглощено текущим расследованием. Так было всегда. С самого детства Оливию отличало редкостное умение концентрироваться только на том, что имело первоочередную важность, отодвинув вглубь сознания все посторонние чувства. Именно эта способность не позволила ей в ночь, когда она нашла тела родителей и сестренки, поддаться панике или впасть в настоящую истерику.

Нэнси с сомнением посмотрела на Оливию. Она достаточно знала об этой девушке, чтобы составить определенное, не слишком-то положительное мнение, но ее поведение сегодня утром вызывало уважение. А Нэнси всегда ценила в лю-

дях целеустремленность и прямоту.

– Ничего конкретного я пока не узнала. – Сказала она. – Только то, о чем говорила раньше. Это мужчина, от 45 до 55 лет. IQ выше среднего, социально адаптирован, скорее всего отличный семьянин. Легко входит в контакт с людьми, умеет расположить к себе. Один из тех, о ком никогда не подумаешь, что он способен совершить убийство. Отличный психолог. Возможно, изучал криминалистику или судебную медицину.

– А этот символ – двойная бесконечность? Едва ли он имеет какое-то отношение к математике. Ты знаешь, что он встречается в тибетских наскальных гравюрах?

– Змей Уроборос. – Кивнула Нэнси. – Возможно, смерть для него как высший идеал. В чем-то даже поэтично.

– Но только не тогда, когда ты видишь его работу наяву. – Хмуро заметила Оливия.

Нэнси промолчала. Хоть Оливия ей не нравилась, она не забыла о том, что эта девушка разом лишилась почти всей семьи и в принципе, имела полное право делать любые замечания.

Деррек Мэн прилетел в Пенсаколу рано утром. Рейс немного задержали, и добраться до «Хэмптон Инн Таун Плаза», расположенного в самом центре города стало сложно. Пришлось подождать, пока поток автомобилей поредеет. Впрочем, Деррека это не сильно расстроило. Его помощник Питер, руководивший одним из ответвлений его боль-

шой и процветающей компании, уже начал вести переговоры с Оливией Блэквуд, не открывая до поры до времени истинного инициатора встречи. Контракт, который они предлагали, был во всех отношениях выгодным для «Блэкфилд-инк», но Оливия почему-то с завидным упорством уклонялась от прямых контактов, и попросту тянула время. Теперь ему было необходимо хорошенько обдумать свой следующий шаг, который, и Деррек в этом не сомневался, приведет к успеху.

Когда старшая дочь Деррека Лорита сбежала из дома с Колином Блэквудом, он в сердцах наговорил ей много лишнего, чего говорить собственно не хотел. Да, Блэквуд был «голландцем», грубоватый, неотесанный паренек из провинции, явно не пара для девочки из хорошей семьи, но во всем остальном он был не так уж и плох. Однако Лорита посчитала себя униженной и со свойственной ей категоричностью приняла решение – никогда не возвращаться в отчий дом. Несколько лет Деррек вообще ничего не знал о дочери, довольствуясь слухами и новостями, которые приносили знакомые. Гордость не позволяла ему прийти к Лорите и попросить прощения, ведь тогда Деррек был бы вынужден признать и ее мужа. А этого он сделать не мог. Честно говоря, он просто ждал, пока Колин Блэквуд опустится на самое дно, и тогда настал бы его звездный час. Ах, с каким удовольствием Деррек предвкушал его падение, рисовал в своем воображении унижительные сцены и всякий раз с нескрываемой ра-

достью принимал бедную, сломленную невзгодами Лориту обратно в семью. Но время шло, в прессе все чаще мелькало имя Колина Блэквуда, говорили об удачных сделках, о сети кофеен «Блэкфидл», опутавших южное побережье, всячески превозносили деловые качества ее владельца, и надежда Деррека вернуть все на свои места постепенно стала угасать. А тот успех, который сопровождал Колина на протяжении всех последних лет, вызвал в душе тестя настоящую ненависть. Он ненавидел мужа своей дочери и от всей души желал ему всего плохого.

Однако когда Деррек узнал о трагедии, произошедшей с Лоритой и ее семьей, его первым порывом было помочь свои внукам, поддержать их, не взирая ни на что. И еще его очень грела мысль, что теперь он получит доступ к компании своего врага. Слить воедино «Блэкфилд-инк» и «Мэнрис»! о таком можно было только мечтать. В своих расчетах Деррек не учел лишь одного – никто не собирался принимать его помощь.

С тех пор как Оливия стала вести расследование и пропадать в полицейском участке до самого вечера, все текущие дела она старалась переложить на свою помощницу Кейси Морис. Когда-то они вместе учились в школе и посещали курсы фотографии. Эти две очень разные по характеру и положению (мать Кейси работала лаборантом в санитарно-эпидемиологической службе) девушки крепко дружили. Когда Оливия предложила Кейси работу в компании их дружба

не перетерпела никаких существенных изменений, кроме, пожалуй, одного. На работе, в присутствии коллег, девушки держались друг с другом весьма официально, так что мало кому в голову приходила мысль о каких-либо иных отношениях между ними. Это позволяло Кейси поддерживать авторитет среди персонала, избегать косых взглядов подчиненных и презрительного шепота за спиной, что непременно бы проявилось в отношении фаворита начальства.

Когда в то утро Кейси пришла на работу, секретарь передала ей список людей, желающих получить аудиенцию у Оливии Блэквуд, и как можно скорее. Просмотрев целую колонку фамилий, девушка выбрала пятерых, встречу с которыми уже невозможно было перенести, и попросила секретаря подготовить переговорную. Она знала, Оливия будет недовольна тем, что ее оторвали от дел, но в данном конкретном случае ничего поделать не могла. Вопросы, связанные с любыми внешними контактами будь то инвестиции, поставки, новые партнеры и прочее целиком и полностью оставались в ведении Оливии. Кейси просто не имела права делать это за нее, особенно принимая во внимание редкостное чутье подруги на стоящие проекты. Даже Колин Блэквуд всегда это признавал, хотя как человек воспитанный в уверенности, что женщин природа деловым чутьем (как впрочем, и умом) обделила, скептически и с иронией относился к тем дамочкам, которые вознамерились тягаться с мужчинами на ниве бизнеса. Сам же он часто советовался с до-

черью при заключении той или иной крупной сделки, отдавая должное ее потрясающему чувству людей. А когда он спрашивал Оливию, каким образом ей удавалось распознать нечестную игру или провал стоящего на первый взгляд проекта, она смущалась и отвечала просто «Я почувствовала». Откуда бралось это «чутье» никто, а в первую очередь и сама Оливия, не знал. Но, так или иначе, ошибалась она редко.

Оливия и Нэнси сидели за столом, разглядывая снимки с мест преступлений, пытаясь найти хоть какое-нибудь сходство между всеми жертвами «Цирюльника». И ни одна, ни другая не полагались в этом на специальную программу, доступ к которой им предоставило ФБР, справедливо полагая, что никакая умная машина не заменит человеческого взгляда, поскольку руководствуется определенным алгоритмом, заложенным в нее специалистом с нормальным психическим состоянием. Разве программа способна просчитать извращенную логику маньяка-убийцы, особенно такого изворотливого и умного, с каким им довелось столкнуться.

– Не могу понять, каким образом он выбирает жертву! Ведь не на улице же он их находит? – сказала Оливия, устало потерев глаза.

– Скорее всего, у него есть какая-то особая система. Пока мы не поймем, чем он руководствуется, все это бесполезно. – Заметила Нэнси.

Оливия встала, чтобы сварить кофе, когда зазвонил ее телефон. Глянув на дисплей, она поморщилась. Кейси могла

быть удивительно настойчивой, особенно когда дело касалось работы. Короткий телефонный разговор с помощницей подтвердил опасения Оливии. Дела в «Блэкфилд» действительно требовали ее присутствия.

Кэйд все утро думал о том, что ему рассказала Оливия о Нэнси. У него не было причин ей не верить, и теперь ему предстояло решить – насколько объективны ее доводы. С таким вспыльчивым и импульсивным характером, Оливия, вполне могла все понять не правильно. Ему была крайне неприятна мысль о том, что Нэнси его обманывала. Уже подходя к участку, Кэйд дал себе слово, что разберется во всем. И начать следовало с гипотетического любовника Нэнси Бит – Деррека Мэна. Один телефонный звонок, и к вечеру он будет знать все об этом человеке.

Полностью погруженный в свои мысли Кэйд, настолько утратил бдительность, что не заметил, как на него из участка выскочила Оливия. Не успей он схватиться рукой за перила, и подхватить девушку, то они оба оказались бы на асфальте.

– Куда ты так спешишь? Что-то произошло? – спросил он. – Какого черта...

– Под ноги надо смотреть, вот что! – воскликнула Оливия. – Ты всегда такой неуклюжий?

– Если кто из нас и неуклюжий, так это ты! – усмехнувшись, сказал Кэйд, все еще поддерживая ее за талию.

Девушка возмущенно засопела, явно собираясь высказать Кэйду все, что о нем думает, но внезапно передумала, так

как четко осознала, в каком положении они находятся. Горячая ладонь, лежащая на ее талии, будила приятные и совсем ненужные сейчас чувства. Зрачки ее сине-зеленых глаз расширились, огненная волна прокатилась по телу, пробуждая его от сна. Оливия испугалась, что Кэйд может прочесть мысли, вихрем пронесившиеся в ее голове и смущенно отступила назад.

– У меня есть дела в «Блэкфилд». – Сказала она, все еще смущенная реакцией своего тела на это, в сущности, простое прикосновение.

– А я подумал, что ты решила вернуться к нормальной жизни и, наконец, перестанешь путаться у меня под ногами. – Разочарованно протянул Кэйд, с трудом пряча улыбку.

– Не дожدهшься! Тебе от меня не избавиться. – Широко улыбнулась она, пряча под этой улыбкой свои истинные чувства.

Оливия легко сбежала по ступенькам. А Кэйд подумал, что когда она вот так улыбается, то становится похожей на озорную маленькую девочку, которая только и ждет, пока родители отвернутся, чтобы сотворить очередную шалость.

Глава 9

Тот бар, где, по словам Найджела Стокли, он встретил «Цирюльника» находился в Синик-Хилс. Не самое лучшее место, чтобы пропустить стаканчик, после тяжелого рабочего дня, однако чего можно было ожидать, от такого типа, как Стокли? Ребят, подобных ему не встретишь где-нибудь в восточном Блэмонте или Ист-Гарден.

В девять часов вечера детектив Блум вышел из такси напротив кофейни «Блэк» на Ист-Сервантес. Сквозь высокие стеклянные окна, освещенные мягким желтым светом, был виден уютный зал, молодые парочки, сидящие за столиками или стоящие у бара, а высокий бармен в белой рубашке и синем блестящем жилете виртуозно смешивал коктейли. Кэйдю всегда нравились такие вот маленькие, семейные рестораны, с их особенной атмосферой, куда не проникает шум городских улиц.

Это как оказаться в совершенно ином мире, наполненном звучанием приятных ароматов, тихой музыки и приглушенных голосов. Здесь вовсе не имело значения, насколько дорого ты одет и есть ли у тебя в портмоне платиновые кредитки. Тебя все равно встретят, как самого дорогого гостя, с улыбкой, не имеющей ничего общего с фальшивыми гримасами метрдотелей фешенебельных ресторанов города. Наверное, именно благодаря такому подходу сеть кофеен «Бл-

экфилд» и пользовалась успехом на большей части южного побережья.

Детектив вошел в кафе, и к нему сразу же подошел молодой человек с золоченой табличкой на лацкане форменного костюма.

– М-р Блум? Рады приветствовать вас в «Блэк». – Сказал он, почтительно улыбаясь. – Вас проводить за столик?

– Нет. – Кэйд покачал головой. – Не могли бы вы сообщить Мисс Блэквуд о моем приходе? А еще лучше, проводите меня к ней.

Молодой человек, казалось, немного удивился просьбе детектива, но промолчал. Все знали, как строго Оливия Блэквуд следит за манерами своих служащих, беспощадно увольняя тех, кто по ее мнению ведет себя с клиентами слишком фамильярно. Поэтому он ограничился тем, что едва заметным кивком подозвал молоденькую официантку и прошептал ей несколько слов.

– М-р Блум. Мариса вас проводит.

Девушка улыбнулась и быстро провела Кэйда через неприметный ход, скрытый темно-вишневыми драпировками, в подсобные помещения. Остановившись у двери с табличкой «Управляющий» она постучала и, не говоря ни слова, провела его в приемную. За большим столом, заваленном бумагами и заставленным офисной техникой, сидела Кейси. Увидев детектива, она приветливо улыбнулась:

– Добрый вечер, детектив. Мариса, ты можешь идти. Спа-

сибо. – Девушка кивнула и ушла. – Вы к Оливии?

– Да. Она сказала утром, что поедет в кофейню.

Кейси отложила бумаги, которые просматривала до прихода Кэйда и нажала кнопку селекторной связи.

– Олли! К тебе посетитель.

– Если это очередной идиот, который хочет предложить мне доставку свежих продуктов прямо из-под коровы или курицы гони его в шею. Я больше не в состоянии выслушивать весь этот бред! – Донесся из динамика усталый и раздраженный голос Оливии.

– Это детектив Блум. – спокойно сказала Кейси. – И у тебя на сегодня еще один человек записан.

– Заходите.

Дверь кабинета открылась с тихим щелчком. Оливия сидела за столом в большом кожаном кресле. Не смотря на усталость в голосе, выглядела она свеженькой и подтянутой. Сам кабинет показался Кэйду слишком мужским. В нем чувствовался строго выдержанный стиль, в котором господствовали хром, кожа и дерево. У правой стены стояла консоль с курительными трубками самых разных сортов дерева и книжные шкафы, заполненные дорогими изданиями в темно-коричневых переплетах с золотым тиснением. За креслом, на котором сидела Оливия, висела карта, охватывающая большую часть побережья, выполненная в стиле стим-панк, где красными точками было отмечено расположение всех кофеен сети «Блэкфилд». Так в старые време-

на крупные плантаторы юга вешали в кабинетах карты своих владений и, наверное, подолгу любовались на них с внутренним осознанием своего превосходства над более бедными соседями.

– Детектив! Полагаю, вы приехали сюда, чтобы сообщить мне нечто крайне гадкое? – спросила Оливия.

– Вовсе нет, – улыбнулся Кэйд. – Я собираюсь посетить тот бар, о котором говорил Стокли. Подумал, что тебе это тоже будет интересно.

– Хотя одна хорошая новость за сегодня. – Заметила де-вушка. – Хотите кофе? Можете выпить чашечку, пока я приведу себя в порядок.

– Олли! У тебя назначена встреча, через пятнадцать минут! – сказала Кейси непреклонным тоном. – Питер Фисли пытается пробиться к тебе уже две недели. Больше нельзя откладывать это дело.

Оливия поморщилась. Настойчивость Кейси ее злила, но она и сама не понимала почему. Контракт, который ей предлагали, сулил просто фантастическую выгоду. Однако какое-то шестое чувство словно шептало ей, что здесь не все чисто. За долгие годы помощи отцу в делах компании, Оливия четко усвоила одну истину: если контракт наиболее выгоден только для одной стороны, а другая получит гораздо меньше, значит надо искать подвох.

– Ты получила отчет службы охраны? – спросила Оливия, в надежде потянуть время.

– Еще два дня назад. Могу сделать кофе, пока ты его прочитаешь.

Кэйд едва удержался от улыбки. Помощница Оливии, похоже, хорошо изучила характер своей начальницы.

– Полагаю, мне стоит заехать позже? – спросил он, и ехидно добавил: – Не хочу, чтобы расследование помешало твоим делам.

– Мне сейчас, как раз не достает ваших шпилек! – огрызнулась девушка. – В любом случае, встреча не займет больше получаса. Можешь пока полистать журналы с голыми девочками. Они в шкафу!

Слушая перебранку Оливии с детективом, Кейси покачала головой. Если они постоянно держат друг друга в напряжении, и постоянно язвят, оставалось только удивляться, почему подруга с таким удовольствием проводит время в участке? Она находила это странным, как и то, что Оливия не пыталась применять свои излюбленные методы обольщения, скорее наоборот всеми силами отталкивала от себя Кэйда. Такое поведение было совсем ей не свойственно, особенно с теми мужчинами, которых она находила интересными. А в том, что детектив Блум был ей интересен, Кейси не сомневалась.

Отчет, составленный службой охраны, был довольно краток. Оливии хватило пары минут, чтобы пробежать глазами несколько листочков, исписанных мелким, убористым почерком. Ничего компрометирующего, лишь общая инфор-

мация о компании Питера Фисли, заключенные им сделки и общий оборот финансовых ресурсов.

– Немного странно, что Фисли решил перевести большую часть своих капиталов из Нью-Йорка сюда, в Пенсаколу. Да и зачем ему мы? Какую выгоду он получит, от сотрудничества? Не понимаю! Ладно бы он просил денег или ему были бы нужны наши связи, а так... что-то тут не чисто! – Задумчиво сказала Оливия, откладывая в сторону бумаги.

– Не драматизируй. – откликнулась Кейси из переговорной, совмещенной с кабинетом. – Хьюз проверял его лично, под микроскопом, и не нашел ничего стоящего.

– Это-то и странно. – Заметила Оливия. – Крупная компания, не первый год на рынке. И кризис они пережили довольно спокойно. Все указывает на то, что у них отличный руководитель. И тут, вдруг этот Фисли хочет открыть здесь филиал, не сворачивая при этом дел в Нью-Йорке? У них не те масштабы, чтобы работать на таком удалении. А вы что скажете, детектив? – обратилась она к Кэйду.

– Скажу, что ресторанный бизнес лежит далеко за пределами сферы моих интересов. – Улыбнулся он. – Но если исходить из того, что я только что здесь услышал, мне ситуация тоже кажется немного странной.

– Вот! – Оливия повернулась к Кейси. – Видишь, даже человеку, совершенно не сведущему в наших делах это показалось странным.

Кейси улыбнулась, но промолчала. Она поняла уже – по-

друга откажется от выгодной сделки, и хотя считала, что в данном случае Оливия не права, попыталась сдержать рвущиеся с языка возражения. «Может в словах Олли есть рациональное зерно?» – спрашивала себя Кейси. Сама она могла сказать только одно – Питер Фисли самый приятный молодой человек, из всех с кем ей доводилось встречаться. Обходительный, галантный и чуткий. А еще очень симпатичный, и богатый. Правда на последнее обстоятельство Кейси редко обращала внимание, руководствуясь, простой жизненной мудростью: «не в деньгах счастье». Но ей было очень неприятно от того, что Оливия, с большой долей вероятности, намерена отказаться от сотрудничества. Едва ли у нее, Кейси, будет еще одна возможность поближе узнать Питера Фисли или же закрутить с ним хотя бы кратковременный роман.

Стук в дверь раздался ровно в половине десятого вечера. К этому времени, Оливия уже сидела в переговорной, задумчиво глядя в большое окно. Она действительно решила сказать «нет» Питеру Фисли, но еще не знала какую именно форму примет ее отказ.

Колин Блэквуд любил повторять: «людям нельзя часто говорить слово „нет“. А если и приходится, заставь их рассуждать, добейся, чтобы они сами сказали тебе это „нет“». И Оливия знала, что этот способ работает, но не всегда понимала, в каком именно виде применить его на практике. Однако, когда в переговорную вошел довольно молодой человек в светло-сером костюме, с каким-то постным лицом, она

поняла, что ей не сложно будет ему отказать. Вообще первое впечатление от Питера Фисли было не то чтобы неприятным, а скорее таким же бесцветным, как и он сам. Она не смогла разглядеть в его плоских, словно смазанных чертах ни большого ума, ни обаяния, ни какой-то внутренней силы, которая является неизменным спутником всех по-настоящему успешных людей. Его небольшие голубые глаза, отороченные редкими, светлыми ресницами, смотрели сонно, волосы какого-то соломенного оттенка безжизненными прядями спадали на чуть оттопыренные уши. Сложившийся в сознании Оливии образ тоскливого неудачника слегка смягчала широкая, добродушная улыбка, светившаяся на лице молодого человека.

– Мисс Блэквуд! – произнес он глубоким, приятным голосом. – Чрезвычайно рад встрече.

– М-р Фисли, я полагаю? – спросила Оливия, поднимаясь навстречу молодому человеку и протягивая ему руку.

– Да. Как же я рад, наконец-то с вами познакомиться! Я оставил больше дюжины сообщений вашей помощнице, но к вам совершенно невозможно пробиться! – мягко упрекнул он ее. – Вы успели ознакомиться с моим предложением? Что скажете? Когда мы сможем приступить к работе?

– Не торопитесь, м-р Фисли. – холодно сказала Оливия. – Я еще не приняла решение, и прежде чем я это сделаю, мне бы хотелось прояснить несколько моментов, если вы не против?

Слова Оливии заметно взволновали Питера. Он с самого начала знал, что эта встреча ничем хорошим не закончится. Однако его босс, в данном вопросе был непреклонен – «Ты должен с ней встретиться!».

– Разумеется, мисс Блэквуд. – чуть заикаясь, сказал он, только лишь потому, что ничего иного ему не оставалось. – Я готов ответить на все ваши вопросы.

– Что и говорить, м-р Фисли, контракт, который вы предлагаете, очень выгоден для «Блэкфилд инкорпорейтед». – С едва заметной улыбкой сказала Оливия и, как бы, между прочим, спросила: – А почему вы вдруг решили расширяться? Да еще и выбрали для этого Пенсаколу? В Нью-Йорке со всеми его пригородами такая сильная конкуренция, что вы не в состоянии ее выдержать? Так она и здесь ничуть не меньше, я вас уверяю.

Фисли молчал, судорожно пытаясь подыскать достойный ответ, от чего по лицу Оливии пробежала ехидная улыбочка.

– Это обусловлено в основном, личными причинами, мисс Блэквуд. – наконец выдавил он. – Мне бы не хотелось обсуждать данную тему, но раз вы спросили. Это из-за моей бывшей жены. Она мой деловой партнер и будет руководить отделением в Нью-Йорке. Она поставила мне условие: либо я уезжаю, либо она изымает свои капиталы из дела, а это неприемлемо.

Подобный ответ можно было бы считать удовлетворительным, но в отчете службы охраны, который получила Оливия,

не имелось никаких сведений о разводе четы Фисли, скором или уже состоявшемся. Питер Фисли вообще не был женат, никогда.

– Извините, если я затронула неприятную для вас тему, – с показной мягкостью сказала Оливия. – Надеюсь, вы понимаете, чем продиктовано мое любопытство. В наше время так легко нарваться на плохих людей. Буквально каждый второй норовит тебя обмануть, чтобы оторвать кусок побольше. Вот и приходится тщательно проверять всех, с кем собираешься сотрудничать.

После этих, в воздухе явственно почувствовалось напряжение. Девушка прекрасно понимала, как взволнован ее оппонент, но вовсе не собиралась облегчать ему задачу. Она стала задавать ему вопрос за вопросом, загоняя в угол, как охотник несмышленного зверька, с намерением сделать его своим трофеем.

– Я... и... вы... Так что же вы ответите, мисс Блэквуд? – спросил вконец запутавшийся молодой человек.

– Мой ответ будет отрицательным. Но прежде чем вы уйдете, я хочу объяснить, почему мне пришлось вам отказать.

Оливия встала и подошла к окну. Звук ее шагов, казалось, привел Питера Фисли в чувство. На его лице появилось искреннее недоумение.

– Во-первых, м-р Фисли, – резко сказала Оливия, щелкая зажигалкой, – я терпеть не могу, когда мне лгут. А во-вторых, неужели вы думали, что я настолько потеряю голо-

ву, увидев сумму, прописанную в контракте, что даже не подумаю проверить человека, с которым придется иметь дело? Конечно, вас могли ввести в заблуждение моя молодость и неопытность, и только поэтому я не приказала вышвырнуть вас отсюда!

Снова этот низкий, ласкающий слух тембр. Казалось ее голос, заполнил все пространство маленькой переговорной. На молодого человека жалко было смотреть. Он, похоже, полностью сознавал, в какую ловушку попался, но ничего уже не мог сделать. Наблюдающий за всем этим детектив Блум был готов даже пожалеть его. Интересно, как ей это удастся? Чувствовать ложь? – думал он. Кэйд все еще прекрасно помнил инцидент, произошедший в доме, где нашли последнюю жертву «Цирюльника».

– Да! Похоже, зря я позволил Питеру принять участие в этом деле! – раздался от дверей тяжелый, мужественный голос.

При звуках этого голоса лицо Питера Фисли моментально утратило напряженное, испуганное выражение. Черты его исказила гримаса почтения к человеку, которым он всегда восхищался.

– Мне следовало догадаться, что за всем этим стоишь именно ты! – сказала Оливия, опускаясь в кресло.

Говоривший, представительный мужчина лет шестидесяти-шестидесяти пяти, с крупными, суровыми чертами и холодным взглядом темно-карих глаз позволил себе коротко

усмехнуться, и прошел в кабинет. Кэйд опытным взглядом полицейской ищейки сразу понял, что этот человек в дорогом темно-синем костюме от «Армани», шутить с собой не позволит. Привычка повелевать людьми, навязывать им свою волю, не считаясь ни с чьим мнением, пробивалась из-под внешнего облика, вызывая невольную симпатию и интерес.

– Оливия! А ты похорошела. Рад видеть, что ты в порядке.

– Можешь не стараться, Деррек! – откликнулась девушка, с трудом скрывая раздражение. – Присаживайся. Хотя я с трудом представляю, о чем нам с тобой говорить.

– Нам стоит поговорить наедине! – сказал Деррек, недвусмысленно указывая на дверь Кэиду, Питеру и Кейси.

– Распоряжаться будешь у себя дома! – рыкнула на него Оливия. – Кейси, проводи м-ра Фисли отсюда. Если здесь кто и лишний, так это он.

Не обращая внимания на убийственный взгляд Деррека, Оливия терпеливо ждала, пока за помощницей закроется дверь.

– Ты не представишь мне своего друга? – спросил Деррек, кивнув в сторону Кэйда.

– О! Разумеется! Детектив Блум. Знакомьтесь, это Деррек Мэн, любовник Нэнси. Деррек, детектив Блум ведет дело «Цирюльника».

Вот так новость! Кэйд сначала подумал, что ослышался, но ненависть, мелькавшая во взгляде Оливии, когда она

смотрела на мужчину, не оставляла никаких сомнений в том, кто сидит перед ним. Мужчины вежливо кивнули друг другу. «Неужели Нэнси могла связаться с человеком, настолько старше себя?» – промелькнуло в голове у Кэйда, и он почувствовал, как его уважение к этой женщине тает словно снег. Непонятным пока оставалось только одно: что связывает Деррека и Оливию?

– Не думал, что ты так сильно похожа на свою мать, – заметил Деррек, с ехидной усмешкой. – Жаль. У нее тоже был отвратительный вкус.

– А тебя бы, значит, больше порадовало, если бы я была больше похожа на отца? Вот так новость. – Усмехнулась девушка. – В любом случае, если ты хочешь вывести меня из себя, то зря стараешься. Говори, зачем пришел и выкатывайся отсюда! У меня нет времени заниматься всякими глупостями!

– Ты же видела условия контракта и должна понимать насколько мое предложение выгодно для «Блэкфилд инкорпорейтед». Глупо отказываться от сделки, только потому, что ее предлагаю я.

Оливия рассмеялась. В ее сине-зеленых глазах появился опасный блеск.

– Ты? Я не доверю тебе даже пачку сигарет, не говоря уж о компании! Ты же ненавидел моего отца?! Неужели ты думаешь, я позволю его врагу сунуть руку в дело всей его жизни?!

– Какие бы отношения не связывали меня и Колина, ты не имеешь к этому никакого отношения, девочка. – Мягко сказал Деррек, однако было件нятно, что он отнюдь не спокоен. Под его внешне холодным обликом бушевал целый океан эмоций.

– Твой отказ неразумен. При таком подходе к делу ты потеряешь все, что Колин создал с таким трудом. Оливия, ты моя внучка, и хотя ты не такая, какой мне хотелось бы тебя видеть, я очень хорошо отношусь к тебе...

Он замолчал, видя, что его слова не достигли цели. Девчонка откровенно смеялась над ним. Он чувствовал ее злость, ее презрение к нему. Деррек привык, что окружающие относятся к нему с уважением, прислушиваются к его словам, восхищаются им. Редко у кого хватало сил вступить с ним в борьбу и, как правило, эти люди оказывались потом в незавидном положении.

– Знаешь, мне надоело выслушивать твои высокопарные тирады! – заявила Оливия. – Уходи!

– Ты пожалеешь об этом!

– Не в этой жизни. – Беспечно улыбнулась она.

Деррек встал и вышел из переговорной, оглушительно хлопнув дверью. Его карие глаза стали почти черными, изборожденное морщинами лицо исказила гримаса ярости. Непробиваемое спокойствие Оливии вывело его из себя. Казалось, что она совершенно не отдавала себе отчета в том, что может приобрести в его лице очень опасного и мо-

гущественного противника, способного разрушить весь ее мир. Ее самоуверенность вызывала у Деррека раздражение и стойкое желание ее покорить, не смотря на то, что Оливия все-таки являлась членом его семьи.

Глава 10

Когда за Дерреком закрылась дверь, Оливия со стоном опустилась в кресло и обхватила руками голову. Заколки, удерживающие ее густые, пышные волосы, упали на пол, и водопад огненных локонов рассыпался по плечам. Кэйд не видел сейчас ее лица, но чувствовал, как сильно она расстроена. Он подошел к ней, совершенно не зная, что будет делать, если она вдруг вздумает расплакаться. Женские слезы всегда приводили его в замешательство.

– Мисс Блэквуд! Оливия! Я могу тебе чем-нибудь помочь? – спросил он, так, как делал это сотни раз, общаясь с потерпевшими в участке или на месте происшествия. Мягко, ненавязчиво, с той долей жалости, которую самый гордый человек сочтет уместной, и даже необходимой.

Оливия откинула с лица красно-каштановые пряди и подняла на Кэйда абсолютно сухие глаза, в глубине которых притаилась ледяная ярость.

– А, не берите в голову. – Махнула она рукой. – После смерти родителей, Деррек постоянно пытается наложить свои лапы на компанию, но ничего у него не получится. Он выгнал мою мать из дома без гроша в кармане, вычеркнул ее из завещания. И наивно полагает, что я позволю ему войти в дело, которому мой отец отдал столько сил!

– Это не первая его попытка?

– О Боже! Конечно, нет. – Оливия усмехнулась. – Ладно, это не стоит внимания. Полагаю, у нас сейчас есть дела поважнее.

Кэйд не стал спорить. Война Оливии Блэквуд с собственным дедом его никоим образом не касалась.

Всю дорогу до бара они молчали. Оливия уверенно вела свой мустанг сквозь каменные джунгли, ловко лавируя в потоке автомобилей. На стоянке у бара было практически пусто, но Кэйд велел девушке проехать дальше чуть ли не половину квартала, и завести мустанг на платную парковку маленького одноэтажного отеля. Сонный сторож выдал им бумажный талончик, какие обычно используют на временных паркингах у ярмарок и базаров в праздничные дни.

Кэйд пожалел, что не попросил Оливию заехать домой и переодеться. Ее бирюзовый деловой костюм, бледно-желтая блузка и туфельки на высоченных каблуках плохо вписывались в общую картину дешевого придорожного бара. В таком наряде можно было отправиться в «Вудшед-грилл» или «Боатани» пропустить стаканчик в компании друзей или даже в одиночку, но только не сюда. Оливия удивилась, когда он сказал ей об этом. Было видно, что такая мысль не приходила ей в голову, однако она с легкостью признала правоту детектива и предоставила ему полную свободу действий.

Подумав немного, Кэйд сказал, чтобы она распустила волосы, сняла жакет, тяжелые золотые серьги и часики с мелкими изумрудами. В бардачке нашелся тюбик с ярко-алой

помадой, забытый кем-то из ее подруг и Оливия под одобрительный кивок детектива щедро накрасила губы, с удовольствием глядя на себя в маленькое зеркальце. Стало лучше. Теперь она была похожа на одну из тех девиц, работающих в элитной службе эскорта, которые хоть и считают ниже своего достоинства ходить по подобным барам, но все равно идут туда в надежде отдохнуть от работы и развлечься в компании какого-нибудь ковбоя.

– Вот. Теперь я выгляжу, как девица легкого поведения. – Сказала она, улыбаясь своему отражению в зеркале. – Видел бы меня папа. Представляю, ЧТО бы он сказал.

– Будь я на месте твоего отца, я бы давно запер тебя дома и запретил даже смотреть в сторону улицы. – Заметил Кэйд, с трудом отводя взгляд от глубокого декольте, в котором виднелись нежные округлости полной груди. Светло-желтая блузка с маленькими, золотистыми застёжками, из легкой, полупрозрачной ткани вызвала в его воображение крайне непристойные картины. И еще он поймал себя на мысли, что вовсе не хочет, чтобы Оливия в таком виде шла в бар.

– Тогда мне очень повезло, что ты не мой отец. Хотя папе едва ли пришла бы в голову такая мысль. Он мне доверял. – С грустью сказала девушка.

Слова Кэйда пробудили в душе Оливии целый рой воспоминаний, ярких, счастливых и от того особенно тяжелых сейчас. На какой-то миг в ее больших, аквамаринových глазах, опущенных густыми ресницами, мелькнула боль и Кэйд

почувствовал себя последней сволочью. В конце концов, Оливию Блэквуд привело в участок вовсе не любопытство. Она хотела справедливости. Чтобы психопат, убивший ее родителей и маленькую сестренку, оказался за решеткой. А он почему-то вел себя с ней так, словно она праздная, богатая дуручка, которой захотелось острых ощущений.

– Извини. – Кэйд легонько коснулся плеча Оливии и протянул ей салфетку. – Сотри эту отвратительную помаду и пойдем. В конце концов, перед нами не стоит задача «поймать тебе клиента» – не удержался он от ехидного замечания. – Пора выяснить, правду ли нам рассказал Найджел Стокли.

Она не ответила. Только посмотрела на него долгим, задумчивым взглядом, словно пыталась понять, чем вызвано его сочувствие, а потом молча взяла из его руки белый бумажный комочек и пошла следом.

Сигаретный дым висел в воздухе плотной пеленой. Рассеять его не могли даже, работающие на полную мощь огромные вытяжки. Было душно и холодно одновременно. Запахи дешевого виски, сигарет и пота сливались в непередаваемой палитре. В тускло-желтом свете туда-сюда сновали официантки, неопрятные размалеванные девицы в ярких форменных платящах и наколках на голове. За барной стойкой стоял немолодой, среднего роста мулат с пышной, угольно-черной шевелюрой едва тронутой сединой на висках и пронзительными, темными глазами. Двигался он довольно ловко,

однако едва ли имел представление о тонком искусстве сочетания напитков, способных удовлетворить требовательно-го клиента.

Несмотря на поздний час, посетителей было немного. В самом углу устроилась шумная компания из шести человек. Судя по внешнему виду, старшекласники, уже вкусившие всю прелесть ночной жизни большого города и отчаянно пытающиеся казаться старше, чем есть на самом деле. Взглянув на этих ребят, Оливия ощутила легкий приступ ностальгии по тем далеким дням, когда она сама впервые оказалась в баре. Ей тогда только исполнилось шестнадцать лет. Была осень. Родители улетели в Лас-Вегас на уикенд, чтобы отметить там годовщину свадьбы, а Джей собирался на вечеринку к приятелю по общеаг. Вот Оливия с двумя подругами и решили воспользоваться моментом. Воспоминания о той ночи были расплывчатые, словно разрозненные кусочки цветной мозаики, сваленные в коробку маленьким ребенком. Они много пили, танцевали на маленькой сцене, под аплодисменты и пьяное улюлюканье толпы, а вот закончилось все в отделении скорой помощи при госпитале Эст-Анимал.

В том баре девушки познакомились с компанией симпатичных молодых людей. Те пригласили их за свой столик и угостили выпивкой с немудреной закуской из чипсов и жаренных на гриле колбасок. Как-то незаметно разговор перешел на недавно прошедшее шоу байкеров в песчаном карьере под Бэй-Гроув. Спор завязался жаркий. Не долго ду-

мая пьяная компания отправилась в этот самый карьер дабы на практике каждый мог доказать свою правоту. Они угнали со стоянки старенький мотоцикл, только прыгать на нем через канаву никто не из девчонок так и не решился, кроме Оливии. Домой из больницы ее привез Джей. Она отделалась несложным переломом руки, ссадинами да порезами. Родители так и не узнали, что произошло на самом деле.

– Сначала, надо поговорить с барменом. – Сказал Кэйд, когда они вошли.

– Неплохая мысль. – Согласилась Оливия.

– Только, пожалуйста, не встревай в разговор. Ты не профессионал, и можешь все испортить!

После его слов на щеках девушки от возмущения вспыхнул румянец. Она с трудом удержалась, чтобы не ляпнуть в ответ какую-нибудь колкость. За кого ее принимает этот «надутый индюк»? Но Кэйд казалось, не обратил внимания на ее недовольство. Он напряженно думал. Показания Найджела Стокли, единственная ниточка, которая могла привести их к «Цирюльнику» и сейчас многое зависело от того, сумеет ли он правильно настроить контакт с человеком, владеющим информацией. Конечно, можно было ворваться в бар с группой захвата, помахать значком и, в конце концов, заставить бармена все рассказать. Однако это было то, что Кэйд, как хороший профессионал, называл – «нечистая» работа.

Человек, попавший под жесткий перекрестный допрос,

может запутаться в показаниях (что случается не так уж редко), забыть, упустить какую-нибудь важную деталь. Не по злому умыслу, а из-за страха или волнения. Куда разумнее попытаться наладить диалог со свидетелем. Да, бывали случаи, когда подобный тактический маневр не приносил результатов, и тогда в дело вступали помощники детектива Сэм и Герти.

То, что в бар нагрянули копы, бармен Морсело Уикс понял сразу. Недаром он двадцать лет стоял за стойкой, разливая виски и смешивая немудреные коктейли. Умение с одного взгляда определить финансовое положение и социальный статус человека прочно въелось в его сознание еще с того времени, когда он был сопливым мальчишкой и промышлял в электричках, чтобы прокормить голодающую семью.

Быстро прокрутив в памяти события трех последних вечеров, Морсело не обнаружил ничего, что могло привлечь внимание стражей правопорядка, но расслабляться не стоило.

– М-р Уикс? – спросил детектив Блум, подойдя к барной стойке. – Детектив Блум, полиция Пенсаколы, отдел насильственных преступлений. Я могу задать вам пару вопросов?

– ОНП? За каким чертом я вам понадобился? – недоверчиво протянул Морсело, в упор, смотря на Кэйда. – И дамочка с вами. Она что, тоже коп?

– Добровольный помощник. – Усмехнулся детектив. – Так как? Поговорим?

Морсело попытался взвесить все «за» и «против». Если он откажется от разговора, то у детектива может сложиться впечатление, что он скрывает информацию. Еще, чего доброго, отвезут в участок и там проведут допрос с пристрастием. А у него и без того проблем хватает. Если же он согласится, от него тоже просто так не отстанут. Будут задавать вопросы, таскать на очные ставки, опознания, заставят заполнить чертову кучу бумаг... за то не побьют. Это решило дело.

– Думаю, мы можем поговорить. – Сказал он, наконец. – Пойдемте за столик. Он подал знак официантке, чтобы она заменила его, и провел детектива к столику в углу, с грязной пластиковой табличкой «для персонала».

– М-р Уикс. – Кэйд выложил на полированную поверхность стола несколько фотографий. – Посмотрите на эти снимки. Вы кого-нибудь узнаете?

Морсело кивнул.

– Да. Это Найт. Он часто бывает здесь. Но последние пару дней я его не видел. Он что, кого-то убил? Вот жалость. Мне он показался нормальным парнем.

– Он приходит сюда один?

– Обычно да.

– Обычно? – насторожился Кэйд.

– Ну, примерно неделю назад он явился в компании какого-то мажора, на крутой тачке. Они пили всю ночь, а потом тот парень дал мне денег, чтобы я позаботился о его друге. Ну, я и попросил Кенни, это парнишка с кухни. Мы оттащи-

ли Найта в подсобку, а утром он ушел.

– Сможете описать парня, который приходил с Найджелом? Как он выглядел?

– Описать? Это нет. Я вас-то назавтра не вспомню. Вот тачка у него классная. Дорогая. Темно-оранжевый Шевроле-камаро. В 279 лошадок.

– Он с кем-то здесь общался?

– Кто? Тот парень? – уточнил Морсело. – Не. Он первый раз заглянул и больше не появлялся.

– Найджел.

– Да ни с кем. – Пожал плечами бармен. – Приходит, всегда заказывает виски с колой, сидит до самого закрытия. Глазеет на девушек. О! Одна из официанток, Таня, Таня Гилберт жаловалась на него пару раз. Найт вроде предлагал ей, ну вы понимаете. А я сказал ей, чтоб сама разбиралась. Разнанялась на работу, нечего по каждому поводу ныть и жаловаться.

– Она сегодня работает?

– Кто?

– Официантка, к которой приставал Найджел. – спокойной продолжил Кэйд, хоть ему и хотелось уже прибить этого несообразительного верзилу.

Морсело поднял голову и посмотрел в зал.

– Да. Вон она, разговаривает с дамочкой, которая с вами пришла. Поболтайте с Таней, вдруг она вам чего скажет. Это все, детектив? Мне работать надо.

– Пока все. Спасибо. Завтра утром к вам заедут мои люди. Надо, чтобы вы поработали с художником и составили фоторобот того парня, что приезжал с Найджелом. – строго сказал Кэйд.

Он встал. Морсело рассказал достаточно, чтобы можно было сделать выводы и добавить недостающие кусочки мозаики к показаниям Найджела Стокли.

Официантка Таня оказалась совсем молоденькой девушкой с роскошной копной абсолютно прямых, темно-каштановых волос и чуть раскосыми зеленовато-серыми глазами. Одета она была гораздо аккуратнее своих коллег, снующих туда-сюда по залу в желтоватых от грязи передниках, и гораздо скромнее. Никакой косметики на лице, а ее ярко-желтое форменное платье было застегнуто на все пуговицы до самого горла, волосы стянуты на затылке в простой хвост и, заметив, как блестят в свете ламп ее ноги, Кэйд понял, что она, не смотря на теплую погоду, надела колготки.

Кэйд подошел к столику, за которым сидели девушки и до него долетели обрывки их разговора.

– ...ты кому-нибудь говорила о том, что Стокли к тебе приставал? – спросила Оливия, пристально глядя на Таню.

– Д-да. Я рассказала сеньору Морсело, только он не стал меня слушать. Приказал идти в зал. – Пролепетала девушка, комкая в руках бумажную салфетку.

– Понятно. – Зло протянула «его коллега», бросив недружелюбный взгляд в сторону барной стойки. – Таня, можно

спросить? Почему ты пошла сюда работать?

– Мне нужны деньги, чтобы пойти в колледж.

Казалось, ее ответ удивил Оливию.

– А ты не могла найти место попроще?

– Я пыталась. – Едва слышно сказала Таня. – Мой отец сидит в тюрьме по обвинению в краже, и как только работодатели узнавали об этом, я получала отказ.

На лице Оливии мелькнула гримаса жалости, но девушка, погруженная в свои невеселые мысли, этого не видела. Кэйд решил, что пора ему вмешаться.

– Добрый вечер, мисс Гилберт. – Поздоровался он.

Таня подняла на Кэйда испуганные глаза, в которых блеснули едва сдерживаемые слезы

– Таня, это мой коллега детектив Кэйд Блум из отдела насильственных преступлений. Давай вернемся к тому вечеру, когда Стокли пришел сюда с приятелем. – Мягко сказала Оливия.

– Была как раз моя смена.

– Значит, вы обслуживали Найджела и его приятеля? – живо спросил Кэйд – Сможете описать парня?

– Н-незнаю. – Таня замялась на минутку. – Высокий. Светлые волосы. В мятой рубашке с нашивкой в виде крокодила. Самый обычный парень. На руке, чуть выше локтя родимое пятно. И еще браслет. Серебряный, очень красивый. Витая цепь и несколько брелоков.

– Завтра сюда приедет наш художник. Таня, надо чтобы

вы помогли составить фоторобот.

– Хорошо. Я все сделаю. Вы думаете, Стокли кого-то убил? – спросила она.

– Это вряд ли. – Усмехнулась Оливия. – Скорее помог убийце спрятать труп и...

– Спасибо, мисс Гилберт, это все. – Кэйд резко прервал Оливию и встал. – Вы нам очень помогли.

Бросив на детектива убийственный взгляд, Оливия достала из сумочки визитку.

– Таня! Завтра, после того, как поработаешь с художником, – сказала она. – Позвони по этому телефону и запишись на собеседование. Я предупрежу мисс Морис, что ты придешь. Если условия устоят вас обеих, то со следующей недели можешь выходить на работу.

На лице Тани Гилберт отразилось изумление. Похоже, она не ожидала, что кто-то может проявить искреннее участие к ее судьбе.

– Я... мой отец... он же... – начала заикаться девушка, но Оливия лишь неопределенно махнула рукой.

– Это не имеет значения. Ты-то ведь ни в чем не виновата. – Пожала она плечами.

Оливию на самом деле не волновало прошлое Тани. Достаточно было и того, что, даже работая в этом низкопробном заведении, она выглядела достойно. Ей просто был нужен еще один шанс, и Оливия с удовольствием ей его предоставила.

Глава 11

После прокуренной, тяжелой атмосферы дешевого бара, ночная свежесть казалась особенно приятной. Оливия достала из пачки сигарету и глубоко затянулась, стараясь не обращать внимания на укоризненный взгляд детектива. Он, как и Джей считал, что она слишком много курит. Правда, постоянное нытье брата ее совершенно не трогало, а вот Кэйд... его замечания почему-то ужасно злили.

– Интересно, почему Стокли солгал? – спросила она.

– Люди лгут. – Заметил Кэйд, пожав плечами. – Первое, чему учат в полицейской академии – сомневаться во всем. Особенно в показаниях свидетелей.

– Ты прекрасно знаешь, что я не это имела в виду. Его положение и так достаточно шаткое. Зачем все усложнять? Он ведь должен был понимать, что мы проверим показания.

– Стокли мелкий жулик. Недалекий, глупый и жадный до денег. У таких ребят обычно не хватает воображения.

– Идеальный исполнитель. – Кивнула Оливия и огляделась в поисках урны.

Она заметила, как от стоянки к ним направился мужчина в строгом сером костюме. Его походка и манера слегка откидывать назад, словно под тяжестью массы густых волос, голову, показались ей очень знакомыми. Когда мужчина подошел ближе, на лице Оливии появилась чуть смущенная улыбка.

– Вот уж неожиданная встреча, мисс Блэквуд. – сказал он глубоким, хорошо поставленным голосом. – А вы изменились. Я едва вас узнал.

– Профессор Хендрис. Рада вас видеть. – Тихо пробормотала девушка.

Мужчина посмотрел на Оливию проницательными, голубыми глазами, ненадолго задержал взгляд на ее декольте и как-то сурово покачал головой.

– Так-так! Молодая леди! И что же вы здесь делаете в столь поздний час? Одна? Девушке вашего возраста и положения не годится посещать подобные заведения!

Восклицание профессора вызвало у Оливии приступ смеха и одновременно стойкое желание убраться куда-нибудь подальше. Бесцеремонность этого человека злила ее, но она не могла пренебречь правилами элементарной вежливости. Присутствие Кэйда лишь усугубляло ситуацию. Сейчас она чувствовала себя маленькой девочкой, застигнутой врасплох строгой мамой у осколков ее любимой вазы.

– Как вы могли заметить, профессор, я не одна. Это детектив Кэйд Блум из отдела насильственных преступлений – Оливия посмотрела на Кэйда. – Профессор Хендрис был моим преподавателем криминалистики в колледже.

Мужчины пожали друг другу руки.

– Детектив? Надеюсь, вы не собираетесь арестовать эту юную леди? – спросил Хендрис со смешком в голосе.

– Вообще-то собираюсь. – Серьезно, без тени улыбки от-

ветил Кэйд. И добавил совсем другим тоном, – но не сегодня.

Они рассмеялись. Профессор снова покачал головой, бормоча себе под нос что-то вроде: «Хорошо», «Очень хорошо». Потом он повернулся к Оливии.

– Мисс Блэквуд. А вы не думаете вернуться к учебе?

– Едва ли это хорошая идея. – Криво улыбнулась девушка. – Не уверена, что я могу стать вторым Перри Мейсеном.

– Вы недооцениваете свои способности, дорогое дитя. – Хендрис посмотрел на Кэйда. – Оливия была самой лучшей студенткой на всем курсе. Право, будет, очень жаль, если она не доведет это дело до конца. Может быть вы, молодой человек, сможете на нее повлиять?

Губы Кэйда тронула легкая усмешка, когда он представил Оливию в лекционном зале, старательно записывающую в толстую тетрадь, слова преподавателя. Он словно наяву видел, как она сидит за партой в коротенькой, клетчатой юбочке и простой белой рубаше, водит ручкой по бумаге, закусив от напряжения кончик языка. Ее роскошные огненные волосы заплетены в косички...

И, почему-то именно эта простая картинка показалась вдруг до неприличия соблазнительной. Он моментально разозлился на себя и тряхнул головой, пытаясь избавиться от наваждения.

– Не уверен, что мои слова что-либо изменят. – Сказал он сухо. – Тем более, и я в этом совершенно уверен, женщине не место в полиции. Они слишком эмоциональны, и все

принимают близко к сердцу.

Кэйд знал, что его слова наверняка разозлят Оливию. Он уже успел заметить, как болезненно она реагирует на любые замечания такого рода. Видимо, в детстве, родители слишком много времени уделяли ей, слишком опекали, а старший брат пользовался, незаслуженной по ее мнению, свободой. Однако сейчас она промолчала.

– Не могу с вами согласиться, молодой человек. – Многозначительно покачал головой профессор Хендрис. – Мне в жизни доводилось встречать женщин, которые были куда хладнокровнее иных мужчин. Если вы не спешите, могу я предложить вам что-нибудь выпить?

– Извините нас, профессор. – Быстро сказала Оливия, которую ужасно испугала перспектива провести со своим бывшим преподавателем лишний час, а то и больше. – Уже довольно поздно и дома будут волноваться.

– Жаль. Но я надеюсь, юная леди, что вы как-нибудь заглянете ко мне на кафедру. Вместе с вашим другом, разумеется. Может мне все-таки удастся уговорить вас вернуться к учебе.

– Всего хорошего, профессор. Была рада повидаться! – сквозь зубы процедила Оливия.

Она чувствовала, что не в состоянии больше поддерживать разговор. День выдался тяжелым, напряженным и сейчас она могла думать только о горячей, ароматной ванне и прохладных шелковых простынях на постели.

– Я смотрю, ты его терпеть не можешь. – Заметил Кэйд, когда они отошли на достаточно большое расстояние. – Интересно узнать, почему?

– Сложно сказать. – Она непроизвольно дернула плечом. – Профессор Хендрис весьма своеобразный человек. У меня от него мурашки. Порой он так смотрит, словно хочет меня раздеть, но не решается. Противно!

– Так он любитель малолеток? – поддел ее Кэйд. – Хочешь, попрошу ребят из отдела его проверить?

– Сейчас-то что, а вот если бы ты предложил мне это год назад, когда я сдавала экзамены... – мечтательно протянула Оливия.

– Кстати, я не спрашивал, да и не мое это дело, но все же, почему ты бросила учебу?

На лицо девушки набежала тень.

– Я поступила в университет только потому, что так хотел отец. Он считал, что человеку без образования в жизни придется сложно. Учеба всегда давалась мне легко, и вполне возможно, что я бы сумела сделать неплохую карьеру, но, видимо не судьба. – Грустно улыбнулась Оливия. – После смерти родителей на меня столько всего свалилось, что учеба как-то сразу отошла далеко на задний план. К тому же, кому-то надо управлять компанией. – Буднично закончила она.

– Извини. Я не должен был спрашивать. – Кэйду стало неловко, оттого, что он снова заставил ее вспомнить о произошедшей трагедии. Поэтому он поспешил сменить тему. –

Я, признаться, удивлен, что ты решила предложить Тане Гилберт работу.

Оливия улыбнулась.

— А что тут такого? — с вызовом спросила она. — Таня свидетель в нашем расследовании и я хочу, чтобы она была рядом, на тот случай, если понадобятся ее показания. К тому же, хорошего работника найти трудно. Отец всегда говорил, что лучше нанять человека без опыта и рекомендаций, но честного и работающего, чем образованного мошенника. Таня вполне милая девушка. Ей нужна работа и я уверена, что она будет куда более старательна, из страха потерять место и в благодарность за оказанное доверие.

Кэйд промолчал. Он догадался, что Оливия предложила Тане Гилберт работу только потому, что ей была нужна эта работа. Никаких других причин не было. А все то, что она говорила, про благодарность и честность просто ширма, которая скрывала правду.

Оказавшись в тишине своей квартиры Оливия, наконец, смогла сбросить с себя маску невозмутимого спокойствия. Она была несказанно рада, что переехала сюда, пусть даже на некоторое время. Бригада рабочих, которая взялась за переделку ее спальни в особняке Блэквудов, уже приступила к работе, однако Оливия надеялась, что торопиться они не будут. Пока не закончится расследование ей лучше жить здесь. К тому же ей не хотелось волновать Аннет.

Экономка была не в восторге от ее переезда и уже нача-

ла подозревать неладное. Правда, пожилая итальянка, воспитанная в полной уверенности, что для женщины главное дом и семья, вполне определенно видела только одну причину переезда ее воспитанницы из, отчего дома. Аннет считала, что у Оливии появился мужчина, и хотя, в глубине души, она не одобряла ее поведения, однако попыток переубедить девушку больше не предпринимала.

Порядок в квартире царил идеальный. Зайдя в спальню, Оливия первым делом увидела на прикроватной тумбочке большой букет из темно-синих ирисов и нарциссов в вазе из яркого, разноцветного стекла. На фоне светлой стены, он казался большой чернильной кляксой. Раньше ее бы очень порадовало такое буйство красок, но сейчас цветы показались неуместными. На кровати чья-то внимательная рука оставила новую шелковую ночную рубашку и халат приятного, фисташкового цвета, обильно отделанные тонкими кружевами. Одежда в шкафу была аккуратно развешана. Оливия улыбнулась. Аннет позаботилась обо всем. Полочки в ванной оказались до отказа забиты косметикой и парфюмерией, в кабинете у компьютера лежали папки с деловыми бумагами, а в большом холодильнике на кухне, девушка нашла стройные ряды контейнеров, подписанные аккуратным почерком экономки.

Только одна комната осталась неубранной. Когда-то она служила спальней для прислуги, но после смерти родителей, Оливия распорядилась переделать ее для иных нужд. Подру-

га Оливии Найтри Колдсвилл, журналистка из «Бэллинджер Паблишек», часто жаловалась ей на отсутствие рабочего места. Найтри жила с сестрой, ее мужем и двумя племянниками в маленькой квартирке в Синик-Хилс. Эта квартира пустовала, поэтому Оливия и предложила ей работать здесь. Спальню превратили в кабинет, а чтобы уборщица случайно не выбросила какую-нибудь нужную бумажку, которыми он был завален, на дверь врезали замок.

Отдавая Аннет ключи, Оливия совсем забыла, что ключ от маленького кабинета висит на ее личной связке. С тех пор, как Найтри пару месяцев назад уехала в Атланту, работать над очередной статьей, в надежде получить пост заместителя главного редактора, комната стояла пустой. Обычно Оливия не позволяла себе заходить сюда в отсутствие подруги, из уважения к ее личной жизни, но сейчас почувствовала непреодолимое любопытство.

Ключ легко повернулся в замочной скважине. Из открытой двери потянуло тяжелым запахом пыли, старых бумаг и типографской краски. Приятно и в то же время немного странно. Этот запах напомнил Оливии веселые студенческие годы. Так пахло и в библиотеке студенческого кампуса, и в огромном читальном зале, и в хранилище на кафедре, где можно было отыскать старые газетные подшивки. Оливия зажгла свет, и несколько раз громко чихнув, прошла к большому письменному столу. Бардак здесь царил отменный. Похоже, Найтри вообще не утруждала себя уборкой. Разноцвет-

ные папки с материалами для статей в беспорядке громоздились на столе, стульях и шкафу. Кипы газетных вырезок лежали на столе, покрытые толстым слоем пыли. На широком подоконнике источала миазмы переполненная пепельница, щерясь во все стороны окурками с бледно-зеленым фильтром. Найтри любила сигареты с ментолом.

Первым делом Оливия распахнула узкое, небольшое окно, впустив в помещение немного свежего воздуха, и встряхнула пепельницу. Дышать сразу стало легче. Просматривая различные бумажки, которыми был усеян стол, Оливия случайно наткнулась на статью в разделе криминальной хроники одного из номеров «Индепендент ньюс» двухгодичной давности. Ничего особенного в самой статье не было, а вот снимок, сделанный репортерами на месте преступления, показался странно знакомым. Девушка даже не поленилась принести из кабинета увеличительное стекло.

Объектив запечатлел лежащее на асфальте тело молодой девушки, лет двадцати пяти, с глубокими резаными ранами на лице, шее и груди. Видимо, незадолго до убийства пошел дождь, и голова несчастной покоилась в луже воды. Но самое главное, на что стоило обратить внимание, это отражение яркой, неоновой вывески тату-мастерской, хорошо видное в витрине магазина, возле которого убили девушку. Оливия нервно поежилась. В переплетении неоновых лампочек совершенно определенно просматривался символ, преследовавший ее со дня убийства родителей – двойная бесконеч-

НОСТЬ.

Глава 12

К половине третьего ночи Оливия, наконец, сумела полностью разобраться в записях Найтри и составить полную картину ее маленького, журналистского расследования. Подруга, по непонятной причине обратившая внимание на это, казалось бы, рядовое убийство, сработала совсем как профессиональный детектив. Она даже не поленилась съездить в Уоррингтон и поговорить со следователем из местного отделения полиции, который вел дело.

Прослушивая записи допросов и соотнося их с заметками в блокнотах, Оливия, в конце концов, поняла, почему Найтри заинтересовалась этим случаем. Она тогда собирала материалы для своей выпускной квалификационной работы и использовала данные расследования в презентации – «Классические признаки убийства на почве страсти, доступные для публикации и освещения в СМИ».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.